

V. ff

7775.

1894

VIII. 7. 4.

Языковедение

Лекции, читанные студентам Владивостокского Историко-филологического факультета в 1918-19 гг.
проф. П. П. Шмидт.

Базунигелъная лекція.

Что должен преподавать языковедение?

- 1) Языковеды могут считаться филологами и ориенталистами.
- 2) Введение в языковедение и сравнительное языковедение. Проф. кит. словесности Г. фон-дер-Табелени, как лектор по языковедению в Берлине.
- 3) В известном крае нужно изучать местные народы.
- 4) Древние народы на западе не занимали широкое положение. Филиты археологии, этнографии, истории и языковедения. Каменные орудия. Изобретение бронзы. Характеристика европейских и азиатских народов. Высокопарная поэзия на востоке. Мифы Лессинга и, с другой стороны, Гердера и Георга Брандеса. Возникновение времени. Мифы проф. кит. слов. А. Фурке в Берлине, что кит. царь Му-вань, современник царя Соломона, был у царицы савской. Критика этой гипотезы. В V ввек до Р.Х. начинаются религиозные системы. Конфуций, Лао-дзы, Будда, гуаньши и Янцзи или мохитци. Философы Тятон и Мен-дзы. Великое переселение народов. Народ. Сюань-ну или Хунь-ну в пустынях Тоби. Император Цань-ши Хуань-ди в конце III ввек до Р.Х. объединяет Китай и строит Великую стену. Первая война Хунь-ну идет в Индию (победа буддизма), другой поток в Европу. Переход от средневекового времени к новому. Порок, многопелатия и колпак - китайские изобретения. Длинная ушка. Собака по китайски и-чан, кюан, хюан, по гречески кюан. род. пад. кюанос. Корова по кит. ниу, ну, корень иеро-европейский.

сия языков g(u)on отсюда русск. говядина. (4)
В средне-азиатских языках соль называется
дабур, даусур, таусур, вероятно с ассирийско-
го дабтан. Книга по монгольски и по тибетски
называется дебтер, по татарски дедетер
от греческого слова diphthéra, через посредство
сирійцев. Отсюда и русское слово "дедтер", ханская
грамота. Голь финикийских городов Тира и Си-
дона. Древне египетская ткань по греч. byssos,
по еврейски byz. В средне-азиатских языках
бус, бусу, бос, босо, бос. Отсюда, может быть,
и русское слово базь.

2. Душа.

"Душа есть средство для сообщения мыслей посред-
ством звуков речи. Неточность определения.
Мнение психологов о Душе. Вольф различает
в душе способность познания и способность жела-
ния. Визиум имеет способности познания составля-
ют способность восприятия, воображения, соображения
и, наконец, память, в то время как высшая часть
состоит из внимания и разума. К способности
желания он относит аффекты и желание.
Это эту схему замечивал также философ
Кант, но последний, присоединяясь к Руссо, раз-
личает три основные способности души: поз-
нание, чувственное восприятие и желание. Про-
тив теории о различных способностях человеческой
души выступает психолог Гербарт (Herbart),
указывая, что последние представляют собою толь-
ко абстракции и поэтому являются скорее
математическими, чем научными понятиями,
"что множество способностей разрушает един-

ство самой души. Разная дѣятельность головного Тербар=(5)
товская школа приписываетъ взаимоотношению между
ду телом и душою. Совсемъ другого мнѣнія придержи-
вается философ Вундт. По его теоріи под-
душою подразумѣвается просто совокупность безчислен-
наго множества происшествій желаній, чувства
и мысленія. По мнѣнію Вундта психическія и
тѣлесныя происшествія не зависятъ другъ отъ друга,
но соотносятся между собою по принципу пси-
хологическаго параллелизма..... Мнѣнія мате-
риалистовъ и идеалистовъ. Кто правъ? Это - вопро-
сы философіи языка. Значеніе языковъ для науки
и практики. Германскій натискъ на Балканы.
Положеніе финскихъ и балтійскихъ народовъ. Тотти.
Этрюски. Телузи. Финистиниане. Хетиты или
Хетиты. Испанцы, какъ потребители древне-амери-
канской культуры. Тибель народа приноситъ вредъ
культуре.

Всемирные языки (какъ: Воляпюк, Эсперанто, Идо
и пр.). Ихъ большое количество, недостатки и даль-
нѣйшая судьба. Исторія языковѣданія. Сумеріи и
египтяне изобрѣли сначала іероглифическое пись-
мо, которое, съ теченіемъ времени, было преобра-
зовано въ слоговое или звуковое. Ассирийцы состав-
ляли грамматическія правила и словаріи
для сумерійскаго языка. Китайцы уже очень
рано выработали очень сложную систему іерогли-
фическаго письма и разлнчили въ своемъ языкѣ
имена существительныя, глаголы и служебныя
слова. Значеніе словарей для такого письма. Греки
(Протоклор) в V в. до Т.Х. различаютъ уже три рода
именъ существительныхъ и времена глаголовъ.
Аристотель устанавливаетъ части речи. Стоики
занимаются различными вопросами грамматики.

Александрія является центром филологическаго изу- (6)
ченія греческаго языка. Римляне слѣдуютъ примѣру
эллиновъ. Византія, какъ центр филологическаго
изученія латинскаго языка. Писцини, ученій 6 в. по
Хр., издае „Institutiones grammaticae“. Греки и римля-
не смотрѣли на своихъ сосѣдей, какъ на варваровъ. Зна-
ченіе христіанства. Улам. Синтаксисъ арабскаго языка
на обработанъ учеными персами. Китайцы - лучшие
лексикографы, индійцы - лучшие знатоки грамма-
тики. Панини, жившій в IV в. до Хр., составилъ об-
разцовую грамматику санскритскаго языка. Влія-
ніе китайскаго письма на сосѣдей (на корейцевъ,
Японцевъ и аннамцевъ). Фонетическое письмо, хотя
собственно слоговое, появилось впервые у еврейско-фи-
никійскихъ племенъ в Ханаанѣ, и все существова-
вшее письмъ или существовавшее раньше алфавиты,
такъ или иначе восходятъ къ этому первоисточнику.
Примѣры: А - альфа, по еврейски aleph означаетъ бы-
ка и первоначальное начертаніе ζ изображаетъ голо-
ву быка. В - бета, по еврейски beth означаетъ дверь, Г -
гамма, по еврейски gimel означаетъ верблюда (sa-
mélus). Л, L - лямбда, по еврейски lamed изображаетъ
льва, называемаго по древне-египетски lavo. Р - ро,
по ^{латински} ~~латински~~ ro - ротъ, изображаетъ ротъ. Значе-
ніе Ветхаго завета. „Ка сей земль былъ одинъ языкъ
и одно нарѣчіе.“ Бытiе 11, 1. Многіе языковъ до. И
нарѣкъ человекъ имена всемъ скотамъ и птицамъ не-
беснымъ и всемъ звѣрямъ полевымъ.“ Бытiе, 2, 20.
Многіе Якова Зримила. „Сойдемъ же и снѣгшаемъ тамъ
языкъ ихъ, такъ чтобы одинъ не понималъ рѣчи другого.“
Бытiе 11, 7. Далѣе мы читаемъ в тойже Библии,
что у Ноя были три сына: Симъ, Хамъ и Зафретъ
(Бытiе 10, 1), потомками которыхъ являются какъ будъ-
то такъ называемые семиты, хамиты и іафретиты.

Більше правильнія представленія о взаємностношенні між язиками починаються тільки ^{до} послѣдній столѣтій. Такъ нѣтринторъ итальянскій мислитель 16го вѣка Фр. Саллетти уже обратилъ вниманіе на большое сходство между индійскимъ и итальянскимъ язиками. В самомъ началѣ 17 вѣка (1615.) указываетъ польскій ученый Michalo Lituanius в своей книгѣ на латинскомъ языкѣ: *De moribus Tartarorum, Lituanicorum* etc. на большое количество одинаковыхъ словъ в латинскомъ и литовскомъ язикахъ. Философъ Лейбницъ говоритъ уже о родственности связей между разными язиками и отрицаетъ прежде мнѣніе о происхожденіи всего языковъ отъ одного древне-еврейскаго языка. Совершенно правильное предположеніе о взаимномъ родствѣ индо-европейскихъ языковъ высказалъ англійскій ученый Джонсъ (Sir William Jones), который уже в 1786 году писалъ: *Каждой философу, изучающей санскритскій, греческій и латинскій языки, долженъ придти к мнѣнію, что все эти языки произошли отъ одного источника, который, можетъ быть, уже не существуетъ.* Есть такая же, хотя не столь основательная примѣна, полагать, что итальскій и кельтскій языки имѣли одно начало с санскритскимъ. Еще древне-персидскій языкъ можетъ быть приисленъ к этому же семейству. Такимъ образомъ Джонсъ уже в концѣ 16го вѣка ^{218.10} выставлялъ правильное предположеніе о происхожденіи и взаимномъ родствѣ такъ называемыхъ индо-европейскихъ языковъ. Но еще в 1808 году нѣмецкій санскритологъ Фридрихъ Шлегель в своей книгѣ "о языкѣ и мудрости индійцевъ" мнитъ санскритскій языкъ родоначальникомъ греческаго, латинскаго и нѣмецкаго языковъ. Это преврат-

ное мнение Шлегеля, являющееся шагом назад сравнительно с предположением Даконса, получившее впоследствии широкое распространение и сохранившееся до сих пор еще в сфере, стоящая подалее от научного языковедения.

Эти предположения являются только гипотезами, не подтвержденными научными доводами; но научное сравнение индо-европейских языков начинается только со времени франца Боппа, современника Фридриха Шлегеля и автора первой сравнительной грамматики упомянутых языков. Заслуги Боппа. Яков Гримм - творец исторической грамматики. Его заслуги. Ученик Боппа - Август Шейхер, его теория о степенях родства. Противник его Иоанн Шлейхер, его "теория волн" (Wellentheorie). Все это представляется старой школой сравнительного языковедения.

4 лекция.

Недостатки предположений первых языковедов: непродолжительность времени, сличение индоевропейского языка с языком вообще, сличение прародины индоевропейцев с прародиной всего человеческого рода. Теория о чрезвычайной бедности индоевропейского языка, считали всего только 400-500 корней. Крестьянин будто употребляет всего около 300 слов. В древнеперсидском надписи найдено менее 400 слов. В древнекитайской книге встречается только 4600 иероглифов или слов. Еврейский Ветхий завет содержит меньше 6000 слов. Три теории о происхождении языка: 1) она состоит из поэтических слов: кукушка, колокол, гоголь, барабан, хохотать. 2) естественный вскликивания: оа - охатъ, ах - ахзен, ай, ой. 3) первые артикулированные звуки у детей: папа, мама, тятя. Незначи-

ительность подобна примеров. Богатство даже (9)
примитивных языков. Гипотеза Яков-Триана.
Звук к будто выражает вопрос, звук т является приу-
каком ответа и определения, звук с содержит в
себя значение будущего времени. Несостоятельность
этой гипотезы. Простые гипотезы о корнях слов.
Корни слов будто были исключительно односложные,
были самостоятельными словами в языке и
имели очень ограниченное значение. Противоречия с
фактами. Фр. Roulet, roulement, roulage, rouleur
происходят от латинского слова rotula, колесо,
но слова "roul" никогда и не было..... Ботт
разделяет два класса корней: 1) корни имен существительных,
прилагательных и глаголов; 2) корни имен
имений, предлогов, союзов и частиц. Первые называются,
по Мажу Мюллеру, предикативными, вторые - демонстра-
тивными. Яков Триан, Мейхер и Вебер произво-
дят демонстративные корни от предикативных.
Бенри и его приверженцы считают одни только
глаголы первичным образованием. Некоторые второ-
степенные лингвисты производят все слова от пер-
воначальных существительных. Несостоятельность всех
этих теорий.

В связи с вопросом о корнях слов стоит также
вопрос о строении или структуре слов вхо-
дящих в состав предложений. Такое строение по
морфологическому строю называется морфологичес-
кой или структурной классификацией. По такой
классификации делят звуки обыкновенно на три
класса: 1) изолирующие или корневые, 2) агглюти-
нирующие или агглютинативные, 3) флективные
или флексийные, к которым иногда присоединяют
еще четвертый класс так называемых инкорпори-
рующих или вставляющих языков. Примеры: ки=

тайские слова lai - приходит, man - гора, mon - слово (10)
gar - еще от руки (от gar рука и gixu - уходит); голо-
ва - головы. Но сравнив, напр., кит. жон-ди и монголь-
ское хундун - человек, с французским de l'homme,
англ. of the man. Во вся языках есть признаки
флексии, агглютинации, инкорпорации и изоля-
ции. Вообще всякая массивфикация языков, основанная
исключительно на структуре слов должна быть безус-
ловно односторонней, так как не слово, но предложе-
ние является организмической единицей человеческой речи.

5. Изменения.

Предметом, изучаемым в языковедении, является
вообще человеческий язык в его истории. Каждый живой
язык состоит в постоянном, хотя и постепенном
видоизменении; т. е. язык данного времени явля-
ется видоизменением языка предыдущей эпохи.

Язык изменяется, во первых, по своему внутрен-
нему развитию и, во вторых, под внешним влия-
нием других языков, и такое изменение можно
разделить на три категории: 1) изменение звуков
и их значений, 2) приобретение языком новых эле-
ментов, 3) утрата старых элементов. Каждый
язык распадается на наречия, а эти последние на
поднаречия, говоры и говоры. Такому делению язы-
ка на наречия соответствует, обыкновенно, деление
общества на три или другие части. Чем больше
разделяются части общественного союза, тем
большую самостоятельность приобретают отдель-
ные наречия, а как скоро исчезает всякая связь меж-
ду разделившимися частями общества, бывшая на-
речия одного и того же языка образуются в само-
стоятельные языки. Но между понятиями "язык"
и "наречие" нет никакой строго определенной границы.

11
Так, например, шведский, датский, норвежский и исландский языки находятся в очень близком взаимном родстве и все они произошли от одного общего скандинавского языка, существовавшего еще в 11 в. по Р. Хр. Были даже попытки объединить снова все эти родственные наречия в один общий скандинавский язык. С другой стороны, наречиями китайского языка считаются такие своеобразные языки, как: ханка, цунти и другие, только потому, что все эти племена объединяет еще один общий письменный язык. Вообще термины „язык“, „наречие“, „говор“ и пр. имеют лишь относительные значения и принимая их, мы должны иметь в виду соответствующую большую единицу. Если мы, например, всю совокупность русских говоров назовем русским языком, то по отношению к нему малорусский, великорусский, белорусский языки будут наречиями. Если же мы имеем в виду праславянский язык, то по отношению к нему сербский, польский, русский и др. славянские языки будут наречиями, а малорусский язык - поднаречием и т. д. Подобным же образом все индо-европейские языки могут быть названы индо-европейскими наречиями по отношению к индо-европейскому праязыку.

Теперь я перейду к краткому обзору генеалогической классификации языков, т. е. к изложению тех результатов, которые достигнуты современным языковедением по отношению к определенному родственным связям между отдельными человеческими языками.

Наиболее разработанным является, так называемая, индоевропейская или ариевропейская семья языков, которые, как полагают произошли из

одного родоначальника, называемого индоевропейским⁽²⁾ праязыком. Эта семья делится на 10 ветвей: 1) индийская, 2) иранская, 3) армянская, 4) албанская, 5) греческая, 6) итальянская, 7) кельтская, 8) немецкая или германская, 9) литовская или балтийская и 10) славянская.

1. Индийская ветвь.

Древнейшим представителем индийской ветви является язык ведийский, язык древних риндизмных гимнов, древнейшие из которых возникли около полутора тысяч лет до Р. Хр. Брахманы (вратана) и сутры (сутра). Ближе к ведийскому языку стоит санскритский язык, каковое название распространяется в Европе также и на ведийское наречие. Санскритская литература. Рамаяна (Ramāyana), Махабхарата (Mahābhārata), Паматантра (Pamātāntra), Брахми Кангосе, "Сикунтала" и "Урваси". Сборник законов Ману (около 700 л. до Р. Х.). Санскритский язык уже за несколько веков до Р. Х. был мертвым литературным языком образованных высших каст и играл до сих пор еще роль средневековой латыни. Рядом с санскритом (закрыта в переводе: снариженный, выработанный) существовали в Индии и другие индийские наречия, называемые индийскими учеными праикритом (пракрит - в переводе: природный, естественный, простой). К праикриту принадлежит также язык пали (pālī - в переводе: порядок, канон, святой текст), на котором написана буддийская литература. Из праикрита развились 9 современных новоиндийских языков, напр.: индустикский, бенгальский, хиндийский, синдийский, гузератский, пенджабский. Сюда же принадлежит язык цыганский. Полагают, что цыгане покинули Индию

не ранее 1000 г. по Р. Х и вступили в Европу в Греции⁽¹³⁾
в 14 ввек. В нашем обществе господствует мнение что
санскрит является родоначальником всех индоевропей-
ских языков, но такое мнение основано просто на
недоразумительная. Важнейшие пособия: Whitney, Indi-
sche Grammatik. Delbrück, Altindische Syntax. Uhlen-
beck, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der
altindischen Sprache.

2 Иранская ветвь.

До нас дошли два древних иранских наречия
древнеперсидский язык и язык авесты. Древне пер-
сидский язык известен нам из многочисленных над-
писей царей из династии Ахеменидов, от Дария I
(521 до Р. Хр) до смерти Артаксеркса III (338 до Р. Хр).
Эти надписи удалось дешифровать в начале 19 века
при помощи санскритского языка. Другой древне-
иранский язык сохранился до нас в авесте, т. е.
сборнике священных текстов религии Зороастра
или Заратустри. Эта религия существует и до
сих пор еще в частях Индии среди так называе-
мых парсов, удалившихся от прародителей ин-
дусетан из своей родины около рек Сурдари и
Амударьи в Индию. Когда именно была составлена
авеста, нам в точности неизвестно, хотя полага-
ют, что главные части ее в своем первоначаль-
ном виде сложились еще до 5 века до Р. Хр. Очень
может быть, что некоторые части авесты, меж-
ду прочими 17 гимнов или гат (gāthā - песни), были
сочинены самим Зароастром, жившим во все-
ком случае раннее эпохи Дария. В царствова-
ние Сасанидов авеста была переведена на более
новый, среднеиранский язык пехлеви (pehlevi, язык
парфарянский) Этот перевод вместе с коммен-

(19)

таритми называется зендом, почему в Европе и Авесту называют зендавестой, а язык ее зендским, но такая терминология не имеет достаточного основания. К новоиранским языкам принадлежат языки: новоперсидский, курдский, осетинский, афганский (рашту), белуджистанский (валэйи) и тамильский. Вышеупомянутый осетинский язык считается по мнению некоторых языковедов потомком скифского языка. Из литературных произведений на персидском языке упомянем поэму Шахнаме (Книга царей) поэта Фирдоуси (около 1300 г. по Р.Х.), лирические стихотворения Хафиза и рассказы Саади. Иранские языки отличаются в ближайшем родстве с индийскими языками и отличаются богатством первоначальных согласных звуков, в то время как гласные е, о и а тем не менее сливаются в один звук а. Важнейшее пособие: Jackson, An Avesta Grammar in comparison with Sanskrit.

3 Армянская ветвь.

Армянский язык известен нам с 5 в. века по Р.Х. и древней письменной слог его называется грабаром. Значительное большинство лексики составило армянского языка считается заимствованными из персидского и турецкого языков. Некоторые языковеды думают, что армяне вышли из Вавилонии, жили некоторое время в Малой Азии под названием фригийцев, смешались с хетитами или хеттитами и наконец заняли свою нынешнюю родину. Звонкие согласные звуки в армянском языке перешли в соответствующие глухие звуки и в этом отношении напоминают германские языки, почему и некоторые из прежних языковедов

искали древнее мѣстожительство германцев по (15)
сосѣдству с армянами. Но новѣйшія изслѣдованія
армянскаго языка показали, что нѣтъ у него ника-
кого болѣе близкаго сродства ни с германскими, ни
с иранскими языками. Важнѣйшее пособіе: Н.
Hübner, Armenische Grammatik.

4 Албанская вѣтвь.

К албанской вѣтви, кромѣ албанскаго языка при-
числяють еще древне мессатійскій языкъ в южной Ита-
ліи, извѣстный намъ из надписей. Некоторые язык-
новѣды сближаютъ с албанскимъ языкомъ еще древнеи-
талійскій языкъ и языкъ бывшихъ венецовъ в северовос-
точной Италиіи, но безъ достаточнаго основанія.
Третья часть большаго числа словъ нынѣшняго албанска-
го языка заимствована изъ романскаго, славянскаго,
турскаго и греческаго языковъ, такъ что в
небольшомъ словарѣ, содержащемъ всего около
5000 словъ, имѣется только у 400 словъ албанскаго
происхожденія. Важнѣйшія пособія Г. Meyer,
Kurzgefasste albanische Grammatik mit Lesestü-
cken und Glossar. Г. Meyer, Etymologisches Wörter-
buch der albanischen Sprache.

5 Грецкая вѣтвь.

Грецкій народъ уже с конца 2го тысячелѣтія до
Р. Х. раздѣлился на племена и каждое племя имѣ-
ло свое собственное нарѣчіе. В древне грецкомъ
языкѣ различаютъ нарѣчія: 1) іоническое, 2) ат-
тическое, близкое къ іоническому, 3) нарѣчія дорі-
ческа, 4) нарѣчія эолическія (лессійское, беотійское
и др) и еще нѣкоторые другія. Древнѣйшими на-
матниками древнегреческаго языка являются
Гомера, Пиндаръ и нѣкоторые и др. Точнее

(16)

С 5 вѣка до Р. X. аттическое нарѣчіе начало вытѣснять изъ литературнаго употребленія все другія нарѣчія. Этотъ аттическій языкъ остался языкомъ всехъ образованныхъ грековъ даже еще тогда, когда Афины уже перестали быть первенствующимъ городомъ Греціи. С 3 вѣка до Р. X. сталъ выработываться и общенародный греческій языкъ, нѣ *κοινή διάλεκτος*, в которомъ преобладаетъ аттическая грамматика, но лексическій составъ ионическаго происхожденія. Этотъ общенародный языкъ уцѣлѣ к 3 вѣку по Р. X. вытѣснить все остальные народныя діалекты, за исключеніемъ македонскаго, живущаго донынѣ подъ названіемъ *дзаконико*. Такимъ образомъ почти все письменное греческое народное соборие происходитъ не изъ древнегреческихъ говоровъ, а изъ общенароднаго греческаго языка. Отъ древнегреческаго языка отмираетъ по времени существованія среднегреческій языкъ (11-16 столѣтія), а продолженіе среднегреческаго языка составляетъ новогреческій языкъ (с 16 вѣка). Малоизвѣстный языкъ македонянъ принадлежитъ повидимому къ греческой вѣтви. Важнѣйшія пособія: Вигманнъ, *Griechische Grammatik*. Б. Воизасфъ, *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*.

Б Италійская вѣтвь

Италійская вѣтвь заключаетъ в себѣ древніе языки Италіи (какъ напр.: языкъ умбровъ в средней Италіи, языкъ осковъ в южной Италіи, сабеллійскія нарѣчія и пр.) и новыя романскіе языки, образовавшіеся изъ латинскаго языка. Писемный мы знаемъ по надписямъ с 3 вѣка до Р. X., но с того же времени появились и латинская письменная литература. Рядомъ съ литературнымъ латинскимъ языкомъ в народѣ продолжали существовать другія нарѣчія. Этотъ народный

латинский язык распадается приблизительно после 7 в. (17)
на по Р. Л. на так называемые романские наречия,
которые с 10-14 в. стали известны в письменных
памятниках. К романским языкам принадлежат
именно следующие языки: 1) итальянский, 2) фран-
цузский, 3) провансальский, 4) испанский, 5) португальский,
6) румынский и 7) ретороманский в южной Швейцарии.
Важнейшие пособия: Kühner, Ausführliche Gram-
matik der lateinischen Sprache. Diez, Grammatik der
romanischen Sprachen. A. Walde, Lateinisches etymo-
logisches Wörterbuch.

7 Кельтская ветвь.

В кельтской ветви, которая некогда занимала
значительную часть западной Европы, а теперь
существует сравнительно в небольших остат-
ках, различают три группы: 1) галльскую, 2) бри-
танскую или кимбрскую и 3) ильскую. Памят-
никами вышерисей теперь галльской группы бы-
вают древние галльские надписи, а также не-
которые собственные имена и слова. К британ-
ской ветви принадлежат: кимбрский в Валлисе,
бретонский или армориканский в Бретани и ви-
мерский теперь корнский в Корнуоллисе. Не следует
забывать, что так называемые армориканцы
являются переселенцами из Британии, а вовсе
не потомками так называемых Астийских
civitates времен Цезаря. К третьей или ильской
группе принадлежат кельтские языки Ирландии,
Шотландии и острова Мэна, - языки, существую-
щие и теперь. Помимо некоторых древних оги-
ских (т. е. рунических) надписей с 1 в. по Р. Л.
памятники кельтских языков известны нам
начиная с 8 в. по Р. Л. Важнейшее пособие:

8 Немецкая или германская ветвь.

Германская ветвь индоевропейской семьи языков заключает в себя следующия группы: 1) готскую, 2) скандинавскую и 3) западно-германскую с ее подразделениями. Готский язык сохранился главным образом в незначительных отрывках перевода Библии, сохранившегося в 4 в. в готском епископом Вулфрамом. По общему своему строю он является наиболее древним сравнительно с другими известными нам языками германской ветви. Но только при этом не следует забывать, что готский язык вовсе не есть родоначальник германской ветви. В скандинавской группе древнейшим представителем является так называемый праскандинавский язык, дошедший до нас в рунических надписях, начиная с 3 и 4 вв. по Р. X. Этот язык составил до начала эпохи Викингов, приблизительно до 7 в. по Р. X., в общем одно наречие, которое в некоторых отношениях оказывается древнее готского языка. С течением времени праскандинавский язык распался на четыре языка: 1) исландский, 2) норвежский, 3) шведский и 4) датский. Исландский язык представляет самый древний строй и известен с 12 в. по сборнику мифологических повестей Эдды. К западно-германской группе принадлежат языки: 1) фризский, 2) англосаксонский, 3) древнесаксонский, 4) древнеидерландский с его потомками, 5) язык верагентландский. Фризский язык существует и теперь в качестве народного наречия; англосаксонский язык, известный нам с 8 в. по Р. X., с течением времени обратился в нынешний английский язык, получивший много

замешиваний из языка французского; древнесаксонский язык образован из себя с течением времени нидерландский нидерландский наречия, называемая по немцам: Plattdeutsch, а потомками древнеидерландского языка являются современная нидерландский наречия, т. е., язык голландский и язык фламандский. В веранентийском языке германской или немецкой ветви различаются в лингвистике по времени существования

1) древний веранентийский язык, 2) средний веранентийский и 3) новый веранентийский язык. Древний веранентийский язык известен нам с 8 в. по Р. Л. в различных наречиях. Больше общий язык развивался в период средне-веранентийский (1100-1500.), когда швабское наречие стало языком высшего класса. Новый веранентийский язык начался с эпохи реформации и стал литературным и общегосударственным языком Германии. Важнейшие пособия: J. Grimm, Deutsche Grammatik. W. Willmanns, Deutsche Grammatik. Fr. Kluge Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache, Uhlenbeck, Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch der gotischen Sprache.

9 Балтийская или литовская ветвь.

Балтийская ветвь состоит из 1) древнепрусского, 2) литовского и 3) латышского языков. Язык древних пруссов в настоящее время уже не существует и вышел из живого употребления в 17 в. Потомки древних пруссов составляют часть населения нынешней Пруссии, получившей от них свое название. Памятники древнепрусского языка замечаются в переводах Катеизма от 16 в. и в так

называется Эльбингском словариком от 15 вѣка. Литовскій языкъ существуетъ и въ настоящее время, именно въ Ковенской губерніи, въ частяхъ Виленской и Сувалкской, а такъ-же въ северовосточномъ углу Прусскіи. По своему древнему строю литовскій языкъ можетъ даже соперничать съ санскритомъ. Латвильи живутъ въ Курляндской губерніи, въ южной половинѣ Лифляндской и въ трехъ сѣверныхъ уездахъ Витебской губерніи. Хотя латвицскій языкъ по общему строю новѣе литовскаго языка, но нѣкоторыя фонетическія особенности онъ сохранилъ лучше послѣднее, а поэтому онъ имѣетъ такое же значеніе для сравнительнаго языковѣдѣнія, какъ и литовскій языкъ. Древнѣйшіе письменные памятники на литовскомъ и латвицкомъ языкахъ восходятъ къ 16 в. Древнепрусскій языкъ, какъ полагаютъ; сохранился въ общемъ лучше и стоитъ ближе къ прабалтійскому языку, но онъ известенъ намъ очень незначительно и неполно. Къ балтійскимъ народамъ принадлежатъ еще вымершіе теперь ятвиги и голяды, но языки ихъ мы знаемъ только по небольшому количеству собственныхъ именъ. Важнѣйшія пособія: В. Траутманнъ, Die altpreussischen Sprachdenkmäler. F. Kurschat, Grammatik der litauischen Sprache. А. Виленштейнъ, Die lettische Sprache

10. Славянская вѣтвь.

Славянская вѣтвь индо-европейскихъ языковъ раздается на три группы: 1) южно-славянскую, 2) восточную или русскую и 3) западно-славянскую. Въ составъ южно-славянскихъ языковъ входятъ въ нас:

тоящее время языки: 1) болгарский, 2) сербо-хорватский в его различных наречиях и 3) словенский или словинский у так называемых словенцев в Краинт и Штирия. К группе южно-славянских языков принадлежат также тот древний славянский язык, на который было переведено Священное Писание Кириллом и Мефодием в 9 ввек. Отрывки этого перевода дошли до нас в рукописях с 11 ввек. Полагают, что на этом старославянском языке говорило одно болгарское племя в Македонии. Этот старославянский язык не сходует, однако, смешивать с тем общеславянским языком, из которого образовались все славянские языки, в том числе и старославянский язык; старославянский язык есть лишь старший брат в семье славянских языков. Восточную или русскую группу славянских языков составляют 1) великорусский, 2) белорусский и 3) малорусский языки. Древнейшим письменным памятником русского языка является Остромирово Евангелие, написанное в Новгороде в 1056-1057 г. для посадника Остромира. К западно-славянской группе принадлежат языки: 1) чешский, 2) близкий к нему словацкий, 3) лужицкий (lausitzisch, wendisch, sorbisch) распадающийся на верхне-лужицкое (преимущественно в Саксонии) и нижне-лужицкое наречия (преимущественно в Фриденбурге), 4) польский, 5) близкий родственный ему кашубский на берегах Балтийского моря, около Данцига и 6) ижедубский теперь полабский язык, от которого дошли до нас лишь немногие неточные записи, сделанные в 17 ввек. Этот язык называ-

этая полавени, потому что на нем говорили
ты славяне, которые жили по рѣкѣ Лавъ, т. е.
Эльбъ. Древнѣйшіе памятники чешскаго языка
принадлежатъ повидимому 13 вѣку; польская пис-
менность известна с 14 вѣка, а памятники дру-
гихъ западно-славянскихъ языковъ принадлежатъ бо-
лее новому времени. Важнѣйшія пособия: Leskien,
Handbuch der altbulgarischen (altrussischen carischen)
Sprache. Эта книга переведена также на
русскій языкъ. Грамматика старославянскаго язы-
ка А. Кескеля. Москва 1890 г. Dr. Fick, Verneker,
Slawisches etymologisches Wörterbuch. А Преобра-
женскій, Этимологическій словарь Русскаго
языка.

Главнѣйшія общія пособия при изученіи сравни-
тельной грамматики индо-европейскихъ языковъ:

К. Brugmann & B. Delbrück, Grundriss der ver-
gleichenden Grammatik der indogermanischen Spra-
chen 5 томовъ. Strassburg 1888-1900. К. Brugmann,
Kurze vergleichende Grammatik der indogermani-
schen Sprachen. Strassburg 1904. Fick, Verglei-
chendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen.

Пособія по общему языкововѣдѣнію:

Whitney, Life and growth of language (нѣмецкій
переводъ: Leben und Wächsthum der Sprache. фран-
цузскій переводъ: La vie du langage). H. Paul,
Prinzipien der Sprachgeschichte. G. von der Gabel-
lentz, Sprachwissenschaft. W. Wundt, Völkerpsy-
chologie I die Sprache. B. Delbrück, Grundfra-
gen der Sprachforschung. A. Meillet. Introduc-
tion à l'étude comparative des langues Indo-
-européennes.

Пособія на русскомъ языкѣ:

А. Толсон, общее языковѣдѣніе.

В. Богородицкій, лекціи по общему языковѣдѣнію.

Г. Торжебинскій, Введение в языковѣдѣніе.

И. Бодуэн-де-Куртене, Введение в языковѣдѣніе.

6 лекція.

Эти 10 ветвей не являются безусловно всеми ветвями индо-европ. языков. Язык Вракійцев. Язык импирійцев и венетов. Язык индоскифского племени „тохаров“, основавшаго во 2 в. до Р. Х. свое государство на развалинах гренобактрійскаго. Индійцы и иранцы составляют арійскую группу.

Балтійско-славянская группа. Кельты - италійцы - греки. Языки „септима“ (греческій, италійскій, кельтскій, германскій, македонскій, импирійскій, тохарскій), языки „затема“ (арійскіе, армянскій, албанскій, балтійскій, славянскій, вракійскій и фригійскій).

Сравненіе индо-европ. языков. Греч. mētēr, лат. māter, слав. мать, лит. mātė, древ.-инд. mātā.
 греч. pātēr, лат. pāter, древнеинд. pitā отец.
 лат. frāter, греч. phrātēr и phrātor, лит. brolis, древнеинд. bhrātā, древне слав. братръ и братъ.
 лат. soror, древне-инд. svāsā, старослав. сестра.
 лит. sesuo, рог seseris.
 греч. thygātēr, древне инд. duhitā, старо-слав дѣвчѣ - ти, горь, лат. duktē, р. duktis.
 лит. sūnis, старо-слав. сынъ, лит. synus. Древнеинд. snusā, старо-слав. снѣха снѣха греч. nyōs, лат. nivis.
 лат. ovis, греч. ois, древнеинд. āvis, лит. avis, старо-слав. овьца, овца

Древнеинг. vīkas, лат. vīlkas, греч. lykos, лат. lupus
(от *lupos), старослав. вълкъ и вълкѣ (от праинд.
вълк), волк (от древнерусск. вълкѣ).

Древнеинг. āsvas, лат. aśva, лат. ēquus, греч. ἵππος ^{лошадь}
греч. μῆν, лат. mās, mīnūs, русское мышь (от и. μῆ),
лат. semēs, старослав. сѣмя - сѣмя.

греч. agrōs, лат. āgēr (от agros), нья. Агрок - нья
лат. iūgum, греч. δύγον, древнеинг. yugam, лат.
iungas, старослав. уо (фго из *уо).

Древнеинг. dāmas, греч. dāmos, лат. dōmūs, сф.-и. domus.
Древнеинг. thimnās, греч. θυμός, лат. fūmūs, лат. dū-
mai, старослав. дуиѣ.

Угдоеврон. * quīvōs, древнеинг. gīvās, лат. gīvas,
греч. βίος (из bīvos) лат. vīvūs, старослав. живѣ.

Древнеинг. nāvas, греч. nēos (из nēvos), лат. nōvūs,
лат. navas, старослав. нѣвѣ
лат. motūsus, старослав. спѣмѣ, мерѣмѣ.

Древнеинг. drāu, греч. δύο, лат. duo, лат. du,
старослав. дѣва, два.

Древнеинг. trāyas, греч. treis (из trées), лат. tres,
(из trees), лат. trās, старослав. три.

лат. sex, греч. hex, лат. sexī, старослав. шесть.
Древнеинг. dāca, греч. dēka, лат. dēcem, лат. dēsīmītas,
старослав. десаѣмѣ

Древнеинг. catām, лат. centum, греч. ἑκατόν (из he+katon),
лат. simītas, старослав. сто.

Древнеинг. toam, лат. tu, лат. tū, греч. σύ (из gop ty)
Древнеинг. kas, лат. kas, лат. quis, греч. τις, τις ^{кто-то}.
kas, старослав. къ-то

лат. quid, греч. τι (из *tid, *kid) старослав. что, что

Древнеинг. katarās, лат. katrās, греч. πρότερος (ион.
κότερος, старослав. который).

Древнеинд. āsti, греч. ēsti, лат. est. старосл. есѣ
греч. phero, лат. fero, старослав. берѣ, беру

Древнеинд. bhānati, старосл. беремѣ и беремѣ

лат. vehit, старослав. веземѣ и веземѣ

лат. vehimus, старослав. веземѣ.

Древнеинд. veda-знаю, греч. oīda, старослав. вѣдоу.

Древнеинд. na лат. и лит. ne старослав. не.

Уклонения: древнеинд. pitā, гот. fadaz, vater,

но древнеинд. bhrātā, гот. brothar, Bruder

Замечания:

Старослав. кнѣзь или кнѣзь от какого-то язв-
ка племени вѣтви, древне-веране-н. kinga, king, king,
не-веране н. kinge, ново-веране-н. König.

Старослав. кнѣзь или кнѣзь > старо-веране н. king.

kinging, средне-веране н. kinging, нов-веране н. kinging.

Старослав. бръз, берез от серм * берза.

Сомнительные случаи.

Старослав. мѣло-молоко > гот. milum.

срав. молѣзе, мѣлѣ, лит. melzi, лит. melgis.

Старослав. гъсь, гусь, лит. gūsis, литовск. gūsis.

н. Gans.

Старослав. нама, нашъ, лит. namas, namas,

греч. namon, наковина, санскр. namā, срав. нашъ.

7 лекція.

Лингвистическая палеонтология. Сильном сим-
воля лингвистическія сопоставления А. Pictet;
Les origines Indoeuropéennes (Paris 1859-1863). Поги-
на индо-европейскаго праанарода. Историческіе
материалы. Факты лингвистики. Тигр. береза,
волк; лев, слон, обезьяна; бѣлка, лосось, угорь. Знач-
енія Литвы. Торное море. Сосредоточенъ с франко-

угорским прапародом. Граница между народами ~~сенте~~ и ~~затен~~ Когда жил этот прапарод?

Первоначальное известие о урках, индийцах и прапанда.

Каменный век: нож = прусс. nağis кремьнь, ka- мень = древнесканд. hamarr, Hammer; древневерхне герм. sahs (мол) = лат. saxum. Древнеинд. śas, лат. aes герм. ais - молв. Самскр. śāhā пещер. īd, лат. caudus, старослав. caudki - руда, молв. Древнегреч. πέλεκυς и самскр. prācasi, монгол. от вавил. pilakku.

Молв в Европ. в 3 тысячелетия до Р. Х. домашняя скотина прапарода собака овца, коза, корова. Триптихение собаки. Сомнительное. Тростриптихение.

"собака" (от древне-индийск. spaka) и сына. Отсутствие домашней собаки в Европ. Шерсть овцы, кожа и коза, азно от лат. avis, avis forāh оберегатель коров. Самскр. rasūh, лат. resus, грот. raihū, viel, скот. Древнеинд. śārkas, грот. kaūda, старослав. herde

2) Урскел. roimēn, литовское piemuo, paemuo. Земледельцы, европейские и азиатские народы.

Домашняя обстановка. Самскр. dēmah, греч. dōmos лат. domus, старослав. dom от греч. dēmō emprōtē дверь и крыша Wand от winden. Лат. и лат. siena от латинского seet - связать. Плотник от плести. Збгати лат. liesti - образовать, литовское liest обмазывать гипсом. Збг - гипс.

Важнейшие пособия: V Kehn, Kulturpflanzen und Haustiere. O. Schrader, Sprachvergleichung und Urgeschichte. O. Schrader, Reflexionen der indogermanischen Altertumskunde. O. Schrader, Die Indogermanen. H. Hirt, Die Indogermanen. B. Feist, Kultur, Ausbreitung und Herkunft der Indogermanen.

8 лекція.

Финно-угорская или уро-финская семья языков раздѣляется на следующія 9 ветвей: 1) венгерская или мадьярская, 2) вогульская, 3) остяцкая, 4) зырянская, 5) вотяцкая, 6) черемисская, 7) мордвинская, 8) финская и 9) лопарская. На венгерском языке говорят около 10 миллионов венгерцев или мадьяров, которые считаются потомками так называемых угров русским языком. Не считая некоторых существенных слов, древнѣйшія письменные памятники на венгерском языке восходят къ 13 вѣку. Вогулов насчитываютъ в настоящее время всего около 5000 и живутъ они по обѣимъ сторонамъ Урала, в Пермской и Тюбольской губерніяхъ. В близком родствѣ с послѣдними находятся остяки (всего около 12.000), живущіе по р. Оби, к востоку отъ вогулов. Зырян считаютъ теперь около 258000 душъ и живутъ они на громадномъ пространствѣ; в Вологодской, Архангельской, Пермской и Вятской губерніяхъ. У зырян есть такъ же свое письмо, составленное уже в 14 вѣкѣ миссіонеромъ Стефаномъ Святшимъ изъ церковнославянскаго алфавита. Вотяцкій языкъ состоитъ в близкомъ родствѣ с зырянскимъ и эти оба языка вместе составляютъ так называемую Пермскую группу. Вотяки (около 420.000 душъ) живутъ к югу отъ зырян и занимаются земледѣліемъ. Черемисы (около 375.000 душъ) являются еще преимущественно язычниками и живутъ разбросано в Вятской, Казанской и Уфимской губерніяхъ. Уже восточнѣе упоминаетъ ихъ (зеттиситы) и говоритъ, что в 350 году ихъ покорилъ готскій король Германарихъ.

Морзвинцы живут по среднему течению Волги и по численности превосходят даже один миллион. По словам вышеупомянутого Гордана Терманария по-прежнему также морзвинцы (мордени). Финно-угорской семье распадается на многие языки и наречия, среди которых самыми главными являются собственно финский и эстонский языки. Тисслерские памятники на эти языки относятся с 16 века. Финнов считают все го около 2.000.000 душ, а эстонцев - около миллиона. Около Р. Д. финский племена жили еще и югу от финского залива и Ладожского озера и упоминаются у римским историком Тацитом по названию "фини", в то время как "аестий" его означают древних балтов; а вовсе не эстонцев, как думали раньше. Наконец, в близком родстве с финским языком состоит еще лопарский язык, но по антропологическим и некоторым лингвистическим данным лопари считаются особым народом, принявшим финский язык только впоследствии. В древности, как полагают, лопари жили также в южной части Финляндии и были вытеснены отсюда финнами, которые уже не позднее 4 века по Р. Д. начали переселяться в финляндию.

Между языками финно-угорской семьи существуют приблизительно такие же родственные отношения, как между индоевропейскими языками. Полагают, что финно-угорский праязык распался первоначально на две группы: угорскую и финскую. Из первой прежде всего выделились венгерцы или мадьяры, в то время как разделение остальных угров на венгров и остяков относится к позднему времени.

Из финской группы прежде всего выделялась Пермская ветвь, во всяком ^{случае} уже в I тысячелетии до Р. X. В эпоху замлотивания литовско-латвийских элементов в балтийские, финские и мордвинские языки, т. е. ^{во} последние столетия до Р. X. существовали еще оживленные сношения между этими двумя последними группами. Но в первые столетия по Р. X., во время влияния одного древне-германского языка на финский язык, связь между финнами и мордвинами была уже утрачена. На рубеже 7 и 8 столетий, при начале болгарского владычества, пермские племена составляли еще один нарс в лиманском и этно-логическом отношении. Между 8 и 11 вв. к ним начался финские звери к северу.

Что же касается вопроса о родине финно-угорского праплемени, то среди ученых нет еще полного единения. Одни считают прародиной их юго-восточную часть России, а другие европейские склоны среднего Урала, главным образом по Каме и ее притокам. Бредовая гипотеза о происхождении финно-угров с Аляски оставлена окончательно. В культурном отношении финно-угорский праплемени стоял ниже индо-европейского, считал только до шести и не знал впрямую еще никаких культурных растений.

В начале слов в финно-угорских языках встречается только один согласный звук, а между гласными одного и того же слова существует извечная гармония, так что гласным корня определяются характер последующих гласных. Слова финно-угорского праплемени начинались только мужскими согласными звуками, в то время, как сравнительно

небольшое количество звонких согласных встречается только в середине слов. Специалисты думают, что финно-угорские языки подвергались меньшей измещенности, чем в индо-европейских языках.

В последнее время языковеды поднимают опять вопрос об отдаленном родстве между финно-угорскими и индо-европейскими языками. Так например, слова в роде mi (я) и ti (ты) могут служить корнями личного местоимения первого и второго лиц во всех упомянутых языках. Местоимения первого лица начинаются звуком "k", а указательные звуком "t".

Индоевр. * ved - вода. фин. vete, мордв. ved', венг. víz.

Финноуг. niiman, лат. nomen (имя) лон. namna, фин. nime

Индоевр. * medhe (мед) фин. mete, мордв. med', венг. met

лат. sal (соль) фин. suola, мордв. sal, герм. sol

Индоевр. * uedh (вода) фин. veta, мордв. vedla венг. viza

Суфр. абиятуба индоевр. ed, od, лат. recte (d), lipote

финск. ta, toi, мордв. da, do

суфр. винит. паг. m, лат. currit, вог. лон. черк.

m, фин. n (от * m).

Особенно интересно, что этот обширный словарный и морфологический материал встречается так же и в самодском языке, который состоит в отдаленном родстве с финно-угорскими языками. Эти языки составляют так называемую уральскую группу языков, которая в свою очередь может иметь связь с индо-европейскими языками. Другие объясняют громадное число сходств в словах и морфологии этих языков чисто игрой случая, частью заимствованиями.

Кавказские языки.

В кавказских горах, на границе Европы и Азии,

существуют различные местные языки, которые в этнографии называются кавказскими языками и делятся на языки северного и южного склона. К последней группе принадлежат, например, грузинский, мингрельский и сванетский языки, которые образуют, по мнению, одну семью языков. Некоторые ученые считают эти южнокавказские народы потомками иберийцев времен Геродота. К грузинской ветви относят еще язык киннообразных вавилонских надписей, найденных около озера Ван в Закавказьи. На этом языке говорили, как полагают, древние алародим, жившие в странах Урарту, впоследствии в Армении. Это потомками Геродотовских кочевников считают киннообразные мингрельцы. К севернокавказским языкам принадлежат геркесский (у Черного моря), чеченский и лезгинский (у Каспийского моря) языки, происхождение которых еще не выяснено.

9 лекция.

Семитская семья языков распадается на 4 ветви: 1) ассирийско-вавилонскую, 2) ханаанскую, 3) арамейскую или сирийско-халдейскую и 4) арабскую. Представителем первой ветви является ассирийско-вавилонский язык, сохранившийся в многочисленных киннообразных надписях в Вавилоне и Ниневии. За три тысячи лет до Р. X. появились древние вавилонцы в Месопотамии, покорили шумерийцев и аккадийцев, приняли их культуру и развили новую литературу. Но уже с 8 столетия до Р. X. древне-вавилонский язык стал сильно изменяться под влиянием других семитского народа, арамейцев. К ханаанской ветви принадлежат:

1) еврейский язык, на протяжении которого служил
ветхий завет, но и этот язык был вытеснен
арамейским языком уже за 4 века до Р. А. Сюда
же относится 2) древне-финикийский язык, находя-
щийся в ближайшем родстве с еврейским языком.
Одна финикийская колония была в Карфаген, и язык
этой колонии известен у римских писателей под на-
званием пунического. Третью ветвь семитских язы-
ков составляет, как уже сказано, арамейский язык
существовавший в Сирии, Месопотамии и Вавилонии.
Этот язык сохраняется до сих пор еще под назва-
нием ново-сирийского языка. Евреи жили на си-
рийском языке до 10 века по Р. А. и затем заме-
нили его арабским языком. Но с 13 столетия уче-
ные евреи перешли опять к обновленному еврей-
скому языку. К четвертой ветви принадлежат
1) арабский язык, 2) савский или древнеимьярский,
в южной Аравии, известный по некоторым над-
писям, и 3) абиссинский или эфиопский наречия.
Арабский язык стал священным языком мого-
метов и распространился далеко по востоку
вместе с исламом. Древнейшая надпись на араб-
ском языке сохранилась с 328 г. по Р. А., но знаменит
по древней литературе надписей и культура юж-
ных арабов или имьяров. Родиной семитского пра-
народа считается не без причины Аравия. Хотя
вся своя культура семитов заимствована у древних
сумерийцев и египтян. Все таки заслуга их
заключается в распространении этой культуры
по всему свету. Финикийские купцы, как полагает,
посещали уже Балтийское море, а их
написки письмо под названием манджурекского

аморавитя, достигла даже берегов Тихого океана.

Все семитские языки не только своеобразны и близки между собою, что взаимное родство их было известно уже древним евреям. Хотя древнейшие ассирийские надписи на полтора или два тысячелетия старше Гомера и индийского вед, все таки условия, представляемые семитскими языками для научного изучения языков, менее благоприятны сравнительно с условиями, представляемыми индо-европейскими языками. Поэтому досих пор еще мы знаем историю семитских языков меньше, чем историю индо-европейских и даже славянско-угорских языков.

В основе корней семитских языков лежат три согласных звука, которые ~~оставляют~~ составляют постоянно, не меняющуюся часть слова. Есть, например, такие арабские корни: q-t-l - убивать, k-t-b - писать, d-b-r - говорить. Такие звуки представляют собою неменяющуюся часть семитского слова и образуют так называемую внутреннюю флексию.

Примеры: qatala он убил, qatila он был убит; kataba, katiba; da-b-a-r, di-b-i-r. Обыкновенным образом склоняются имена существительные, имеющие только три основных падежа: именительный (подлежащее), родительный (опредетление) и винительный (дополнение). Пример на арабском языке: и.п. kalbi, р.п. kalbi, в.п. kalbi (собака).

Эти окончания падежей сдержаны только один арабский язык, между тем, как уже в древне-еврейском ~~аравийском~~ языке есть почти никакие формы падежей. Многие языковеды, как семитологи, так и изследователи индо-европейских языков, пытались доказать родство между семитской и индо-европейской

семьями языков, но не приняли еще к положительному результату, несмотря на то, что существуют много корней в этих языках, которые могут быть близкими. Ф. Томел, например, сравнивает следующие корни: индо-евр. (3) tauma, семит. taumi тур, бол; индо-евр. kapna; семит. qanna - рог; индо-евр. labr семит. labi'atu лев; индо-евр. ghavata, семит. havudu золото; индо-евр. silvera, семит. tapri, серебро. индо-евр. vaiona, семит. vainu - вино. Другие языковеды считают подобные слова заимствованными из семитских языков. По всей строгости семитские языки настолько отдалены от индо-европейских, что если между этими семьями языков существует сходство, то оно относится к недоступному прошлому.

Хамитские языки.

В то время как родство между семитскими и индо-европейскими языками не признается еще доказанным, многие языковеды однако склонны считать хамитские языки за родственные с семитскими. Древнейшим и представительным хамитским языком является язык египетский, письменные памятники которого начинаются около 4000 лет до Р.Х. Потомок этого языка, коптский язык, по своим своим названию от арабского искажения (qopt) греческого слова αιγυπτιας, египтянин. Коптский язык известен из древне-христианской литературы с третьего века и уступил свое место около 16 столетия арабскому языку. В хамитской семье, некоторые ученые отмечают еще 1) берберийские языки (по северному берегу Африки), считающиеся потомками древне-ливийского языка и 2) кушит-

ние или эиобские языки в Абиссинии, как галла, сомали и другие. Эти эиобские языки не надо однако смешивать с эиобскими языками арабской ветви семитской семьи языков.

Одинокие языки старого света

Кроме упомянутых семей языков в старом свете существуют еще разные одинокие языки, родственные отношения которых еще не выяснены. Эти одинокие языки являются, по всей вероятности, остатками прежних семей языков, господствовавших в старом свете в доисторическое время. Одним из таких языков считают язык басков, живущих в Пиренеях по обеим сторонам франко-испанской границы, преимущественно в Испании. Языковеды не сомневаются, что баски являются потомками древних иберийцев, ^{занимавших} некогда всю Испанию. Слово "баски" соответствует названию иберийского племени "vascones" у римских историков, хотя сами себя баски называют "Euzkaldunak", что напоминает скорее племя "ауси" в древней Аквитании. Языковеды сравнивают баскский язык, то с финно-угорскими, то с индо-европейскими, то с берберийскими языками, но пока еще безуспешно. К подобным абoriginalам древней Европы принадлежат еще, вероятно, уже давно вымершие этруски в Италии, лигурийцы в южной Франции и верхней Италии и, может быть, еще ~~таже~~ ^{таже} в древней Греции.

На этрусском языке сохранилось около 8000 надписей, считая с 6, а может быть и 7 века до Р. X, но эти надписи еще не дешифрованы.

Особенно много таких отрывков стоящих языков мы знаем в парадной Азии. Первое место по древности между ними занимает суверийский язык с аккадийскими наречиями на юге Месопотамии в долине р. Евфрата. Т. о. языку с древней Вавилонией, в южной Персии, были так называемые ламиты, родственные отношения которых также не определены. К таким же загадочным языкам принадлежат хайский или хетитский язык, господствовавший в восточной части Малой Азии и сохранившийся в многочисленных надписях, хотя есть попытки, как уже сказано, связать этот язык с армянским языком. Из других не установленных еще языков Малой Азии назовем еще митонийский, ликийский, карийский, лидийский, мизийский и некоторые другие менее известные языки. В последнее время ученые интересуются также историей филиппинян в Талестинии, которых считают вышедшими из Европы

10 лекция

К алтайской семье языков относятся следующие три ветви: 1) тюркская или турецко-татарская, 2) маньчжурская и 3) тунгусско-маньчжурская. В то время как языковеды старого закала придерживаются старинной теории о родстве между уральскими и алтайскими языками, некоторые из молодых ориенталистов перешли в другой крайности и считают все три ветви алтайской группы самостоятельными семьями языков. Но для отрицания алтайской семьи языков не приводят ни лингвистических, ни исторических, ни антропологических

геских франков. Никто не отрицает в алтайских
языках близкое сходство по фонетике, по грамма-
тически строю и по лексическому составу. Так
как история алтайских языков еще недостаточ-
но изучена, то тем труднее доказать анало-
гию в фонетике и морфологии в этих языках
на основании замеченных, т. е. гипотеза замеще-
нований зиждется на более или менее предположениях,
чем теория родства. Во всяком случае мы не
знаем другого такого примера, чтобы три
народа, живущие на одной и той же равнине,
принадлежали к трем разным семьям языков,
несмотря на близкое лингвистическое и этнографиче-
ское сходство между ними. По гармонии глас-
ных и по отсутствию сложных гласных в на-
чале слов алтайские языки походят на финно-
угорские, но против родства между обоими семья-
ми говорит преимущественно своеобразный лексиче-
ский состав этих и других языков. Кроме то-
го алтайские языки отличаются великими
согласными звуками заднего ряда и звонкими сог-
ласными в начале слов, т. е. особенностями, на-
ходясь лишь в финно-угорских языках. Наконец в
начале коренных алтайских слов звук „ч“ (р) не
встречается вовсе, а „с“ (л) только в редких случаях.
Этюркская ветвь состоит из собственно тюркче-
ского или османского, татарского, уйгурского, кир-
гизского, башкирского, якутского и других менее
важных языков. Древнейший письменный памятник
на уйгурском языке (Кудатку билик) относится
к 11 веку, но древнетюркские надписи дошли
до нас с 7-8 веков. Вторая или монгольская

вѣтвь распадается на собственно монгольской, калмыцкой и бурятской языки, но различие между ними сравнительно не велико. Древнейшие письменные памятники на монгольском языке восходят к 13 вѣку. Тунгусско-маньчжурская вѣтвь дѣлится на тунгусскую и маньчжурскую группы. К первой принадлежат собственно тунгусский, ороченский, ламутский и другие меньшие восточные языки, в то время как вторую составляют собственно маньчжурский, голыдский и ороченский языки. Древнейшие письменные памятники на маньчжурском языке сохранились с начала 17 в.

В лингвистических и этнографических трудах господствует мнѣнiе, что тунгусско-маньчжурские языки, ближайшим образом, родственны с монгольскими языками, и что связь между собою по происхождению этих двух вѣтвей вѣроятно несомнѣнна, так что говорит даже о существовании монголо-тунгусского праязыка. Наоборотъ родство между монгольскими и тунгусско-маньчжурскими языками считается более отдаленным или даже сомнительным, так как послѣдние языки, в которыхъ отношенiя более связаны с финскими и самодскими языками. С такими предположенiями о степеняхъ родства я с своей стороны не могу согласиться. Если мы вообще имеем право говорить о близкой связи между двумя вѣтвями, то такое родство мы должны искать скорее всего между монгольскими и тунгусско-маньчжурскими языками. В то время как в моемъ распоряженiи имѣется около 1000 общихъ

маньчжурско-монгольскихъ словъ, въ сравненіи тюркскихъ и монгольскихъ языковъ фигурируютъ только до 200 разныхъ корней. Кроме того въ древнетюркскомъ языкѣ уже нѣтъ звонкихъ начальныхъ согласныхъ, которые сохранились не только въ тюркско-маньчжурскихъ, но и въ монгольскихъ языкахъ.

Исторической родиной алтайскихъ народностей является нынѣшняя Монголія и ея ближайшія окрестности. Сосѣдями ихъ были древніе киргизы съ запада, кураканы съ сѣвера, палеазиатскіе народы съ сѣверо-востока, сяхясуы и китайцы съ юга. Вліяніе западныхъ языковъ (семитскихъ, индоевропейскихъ и финно-угорскихъ) на алтайскіе языки (соль, полотно, доить, богъ, мѣстоимѣнія, письмо). Незначительное вліяніе палеазиатовъ (собака, мать, мѣсто). Второстепенныя культурныя слова въ алтайскомъ языкѣ (овца, верблюдъ, лошадь, пахать, овесъ, золото или мѣдь). Судя по всемъ этимъ даннымъ, прародину алтайскаго племени можно искать въ северной Монголіи, къ югу отъ Алтайскихъ горъ.

11 лекція

Къ палеазиатской семьѣ народовъ причисляютъ обыкновенно енисейскихъ остяковъ, коттовъ, юкагировъ, чукчей, коряковъ, камчадаловъ или ительменовъ и гиляковъ. Нѣкоторые антропологи считаютъ именно айновъ самыми типичными палеазиатами, въ то время какъ другіи ^{племе} на этой группѣ, по ихъ мнѣнію, подверглись значительному вліянію тунгусовъ и монголовъ. Я съ своей стороны причисляю къ этой же семьѣ еще корейцевъ, древнихъ бохайцевъ, жившихъ въ нѣкѣйшей Манджуріи и Приморской области, и наконецъ инородцевъ **У**, обитавшихъ въ времена Конфуція въ Китаѣ, въ восточной части Шаньдунской провинціи. Палеазиатская семья народовъ, какъ и выше упомянутая кавказская группа, является пока только этнографическимъ терминомъ, такъ какъ о научно обоснованномъ генетическомъ родствѣ между всѣми этими языками не можетъ быть и рѣчи. Тѣмъ не менѣе мы должны допустить извѣстный лингвистическій контактъ между разными представителями этой группы языковъ. Среди спеціалистовъ уже нѣтъ сомнѣнія, что чукотскій языкъ вмѣстѣ съ языками коряцкимъ и камчадалскимъ составляютъ одну родственную группу, которая произошла отъ одного общаго праязыка. Звонкіе звуки въ началѣ палеазиатскихъ словъ отсутствуютъ или совсѣмъ, какъ напримѣръ въ корейскомъ языкѣ, или встрѣчаются только съ различными ограниченіями. Звукъ ξ (ф) нѣтъ ни въ корейскомъ, ни въ чукотскомъ, ни въ юкагирскомъ языкахъ, между тѣмъ какъ въ гиляцкихъ словахъ, онъ встрѣчается очень рѣдко. Звукъ ξ (ф) въ концѣ слога переходитъ въ ξ (ф) въ енисейско-остяцкомъ, коттскомъ, гиляцкомъ и корейскомъ языкахъ. Въ заимствованныхъ у соседнихъ народовъ словахъ встрѣчается въ корейскомъ и гиляцкомъ языкахъ открытый звукъ \bar{o} вмѣсто узкаго \bar{o} , между тѣмъ какъ послѣдній звукъ поя-

вился въ корейскомъ языкѣ только въсто презяго диктонга ci.
Есть известное сходство между именами числительными до пяти въ
корейскомъ, гилацкомъ и аносскомъ языкахъ. Почти во всѣхъ палеазиат-
скихъ языкахъ находятъ крайнюю подвижность фонетическихъ измѣненій,
слиянiе мѣстоимѣнiй съ глаголами и именами существительными, тенден-
цію къ полисинте^{ти}зису и другiе признаки одинаковаго строя. Подоб-
ные факты не подтверждаютъ еще, конечно, генетическаго родства между
палеазиатскими языками, но все это сходство не можетъ быть простою
игрою случая. Во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнiя, что въ доисторичес-
кое время между палеазиатами существовала болѣе близкая взаимная
связь, чѣмъ въ настоящее время.

Японскiй ученый С. Каназава, профессоръ Токиоскаго университета,
сравниваетъ японскiй и корейскiй языки, и приходитъ въ своемъ тру-
дѣ "*The Common Origin of The Japanese and Korean Languages*" къ
заключенiю, что между этими языками существуетъ такое же близкое
родство, какъ между нѣмецкимъ и голландскимъ, или между французскимъ
и испанскимъ языками. С. Каназава приводитъ однако всего только
около 150 сходныхъ корней, громадное большинство которыхъ являет-
ся или сомнительными сопоставленiями, или болѣе новыми культурными
словами. Хотя предположенiе С. Каназавы не можетъ считаться доказан-
нымъ, тѣмъ не менѣе известная связь между японскимъ и корейскимъ
языками врядъ ли подлежитъ сомнѣнiю.

Енисейскiе остатки живутъ по Енисею и его притокамъ, между ~~И~~Тру-
ханскомъ и Енисейскомъ. Ихъ насчитываютъ всего только нѣсколько
сотъ, да и тѣ уже значительно обрусѣли. Въ Верхоянскомъ и Колым-
скомъ округахъ, по Анжамъ, Индигиркѣ и Колымѣ бродятъ нѣсколько
сотъ юкагировъ. Самымъ многочисленнымъ (до 15,000 душъ) и самымъ
дикимъ племенемъ сѣверо-восточной Сибири считаютъ чукчей, живущихъ

на огромномъ пространствѣ между Колымой, Беринговымъ моремъ и Ледовитымъ океаномъ, къ югу отъ нихъ, въ Гилягинскихъ тундрахъ между Таймырскимъ полуостровомъ, рѣкою Анадыромъ и Беринговымъ моремъ живутъ нѣсколько тысячъ коряковъ. Юго-восточную часть Камчатки занимаютъ камчадалы или ительмены, всего около 2000 душъ. Гиляки, численность которыхъ не превышаетъ 4000 душъ, живутъ разбросано на огромной территоріи, всей сѣверной половины острова Сахалина и сѣднаго материковаго побережья. Въ южной части острова Сахалина и въ сѣверной части Ессо обитаютъ нѣсколько тысячъ айновъ. На полуостровѣ Корей живутъ корейцы, уже давно потерявшіе связи съ другими палеазиатскими народами.

Если палеазиатскія племена составляютъ какую-нибудь этнографическую группу народовъ, то въ древности они должны были жить по сосѣдству, а не изолировано, какъ нынѣшніе корейцы, енисейскіе остяки и гиляки съ айнами. Эта связь объясняется очень просто нѣкоторыми историческими и этнографическими данными. Родину тунгусовъ ищутъ не безъ причины въ Забайкальскомъ краѣ, откуда они двигались на сѣ^{веръ} тѣснимые монголами, а потомъ и якутами. Достигши въ этомъ направленіи береговъ Ледовитаго океана, тунгусы врезались клиномъ между енисейскими остяками и юкагирами, которые могли быть сосѣдями. Другая волна тунгусовъ шла на востокъ по бассейнамъ Лены и Алдана, какъ впоследствии русскіе переселенцы, и добралась до береговъ Охотскаго моря, занявъ прежде коряками, какъ гласятъ коряцкія преданія, ^{земли} Такимъ образомъ коряки могли ^{быть} непосредственными сосѣдями гиляковъ, тѣмъ болѣе, что по мнѣнію Шренка, гиляки жили раньше гораздо дальше на сѣверъ, чѣмъ въ настоящее время. Между страню гиляковъ и Кореей мы встречаемъ древнихъ бохайцевъ, которые, по всей вѣроятности, на-

ходились въ болѣе близкомъ родствѣ съ корейцами. Трудно предста-
вить себѣ, чтобы нынѣшніа охотничьи племена орочей могли быть потом-
ками культурнаго земледѣльческаго народа бохайцевъ. Болѣе вѣроятно,
что послѣдніе, подъ давленіемъ джурда^{не}эсовъ, предковъ нынѣшнихъ манд-
журовъ, удалились на югъ въ Корею и слились съ своими одноплемен-
никами корейцами въ одинъ народъ. Такъ какъ корейскія племена, по
словамъ китайской исторіи, занимали нѣкогда всю южную Манджурію, то
и выше упомянутые инородцы ^и могли быть ихъ сосѣдями.

Итакъ мы находимъ палеазиатскіе народы на очень длинной и срав-
нительно узкой прибрежной полосѣ, отъ Печилійскаго залива до устья
рѣки Енисея. Нѣтъ сомнѣнія, что такое мѣстоимущество является ско-
рѣе убежищемъ побѣжденныхъ племенъ, чѣмъ родиной какой-нибудь
этнографической группы народовъ. Съ другой стороны, тунгусско-манд-
журскія племена занимаютъ огромную клинообразную территорію, окру-
женную съ двухъ сторонъ палеазиатскими народами. Такія неестест-
венныя границы тунгусско-манджурскихъ племенъ свидѣтельствуютъ о
движеніи ^иубѣденнаго народа. Такимъ образомъ уже по этнографичес-
кимъ границамъ видно, что раньше тунгусовъ вся восточная Сибирь бы-
ла занята палеазиатами, что подтверждается еще археологическими,
антропологическими и лингвистическими фактами. Народы сѣверо-вос-
точной части Азіи, какъ извѣстно, еще около тысячи лѣтъ тому назадъ
жили въ каменномъ вѣкѣ; но такъ какъ уже алтайскій пронародъ, вѣро-
ятно, зналъ мѣдь и золото, то объ алтайскихъ тунгусахъ тамъ не можетъ
быть и рѣчи. Извѣстный антропологъ Талько-Гранцевичъ нашелъ въ сѣвер-
ныхъ могилахъ Забайкальскаго края скелеты, которые напоминаютъ
скорѣе палеазиатовъ, чѣмъ представителей алтайскаго племени. Нако-
нецъ въ тунгусскомъ языкѣ замѣчается значительное вліяніе палеа-
зиатскихъ языковъ, а названія нѣкоторыхъ мѣстностей въ бассейнѣ

рѣки Амура объясняются на основаніи гилъдскаго языка (Буирь, Куенга, Тало и т. д.).

Нѣтъ у насъ однако никакой причины считать прародиной палеазиатовъ тундры или тайгу Восточной Сибири; движеніе имъ началось, вѣроятно, изъ болѣе теплыхъ краевъ, такъ какъ не только въ манджурскомъ, но и въ Пекинскомъ нарѣчій китайскаго языка встрѣчаются такія особенности, которыя напоминаютъ намъ ^{ле} палеазиатскіе языки (полисинтетизмъ, переходъ е въ \bar{o} , \bar{t} (т) въ \bar{z} (р) и т. д.). Такое вліяніе ^{ле} палеазиатовъ объясняется очень просто, если къ нимъ принадлежали также бохайцы и инородцы и древняго Китая.

12 ЛЕКЦІЯ.

Индо-китайскую семью языковъ составляютъ китайскій, тибетскій, бирманскій, сіамскій и многочисленныя другіе языки, которые существуютъ въ Гималайскихъ горахъ и въ южномъ Китаѣ. Генѣалогическое родство всѣхъ этихъ языковъ еще окончательно не выяснено и нѣкоторые ученые все еще сомнѣваются въ существованіи этой семьи языковъ, указывая на то, что родство между ними установлено только на основаніи слодства между нѣкоторыми словами, безъ фонетическихъ правилъ. Самымъ страннымъ при этомъ является то обстоятельство, что эти же ученые признаютъ обыкновенно такъ называемую урало-алтайскую семью языковъ. По моему мнѣнію нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что лингвистика, исторія, географія и этнографія говорятъ скорѣе въ пользу генѣалогическаго родства индо-китайскихъ языковъ, чѣмъ за болѣе близкую связь между уральскими и алтайскими языками. Профессоръ А. Конради доказываетъ родство не только касательно фонетики, но и морфологій индо-китайскихъ языковъ. Такъ напримѣръ гласныя начельныя согласныя

звуки и высокій тонъ въ китайскихъ словахъ соответствуютъ известнымъ префиксамъ въ другихъ индо-китайскихъ языкахъ. Американскій синологъ В. Лауеръ указываетъ даже на одинъ общій префиксъ "а", который сохранился во всѣхъ языкахъ индо-китайской семьи. Даже фактъ существованія префиксовъ, каковыхъ не знаетъ большинство языковъ земного шара, уже по себѣ является важнымъ доказательствомъ болѣе близкой связи между этими языками. Ни одинъ языковѣдъ еще не занимался собраніемъ всѣхъ общихъ корней индо-китайскихъ языковъ, но въ трудахъ специалистовъ можно сосчитать уже нѣсколько сотъ подобныхъ примѣровъ. Всѣхъ этихъ доводовъ уже вполне достаточно для научной гипотезы объ индо-китайской семьѣ языковъ, тѣмъ болѣе, что скептики не приводятъ никакихъ серьезныхъ аргументовъ противъ такого предположенія. Нѣкоторые специалисты идутъ еще дальше и дѣлятъ эту семью на двѣ группы: 1) западную или тибѣтско-бирманскую и 2) восточную или сямско-китайскую. Останется ли въ наукѣ эта классификація, покажетъ намъ, можетъ быть, уже ближайшее будущее.

Индо-китайскіе народы представляютъ собою большой интересъ для науки, вслѣдствіе своей древней и самостоятельной культуры. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что китайское письмо появилось уже въ третьемъ тысячелѣтіи до Р. X., между тѣмъ какъ древнѣйшіе письменные памятники на тибетскомъ языкѣ восходятъ къ седьмому вѣку по Р. X. Такая литература даетъ безусловно очень важные матеріалы для исторіи этихъ языковъ.

Специалисты указываютъ даже на такіе слова индо-китайскаго произношенія, которыя характеризуютъ культуру этого народа. Оказывается, что уже древніе индо-китайцы занимались земледѣліемъ и умѣли толочь муку въ ступкѣ. Изъ домашнихъ животныхъ они знали не толь-

ко собаку и корову, но и свинью, которая является типичным животным земледельческих народов. Домашних свиней не держали ни кочевники семиты, ни алтайцы, и вероятно также древние индо-европейцы. По таким же данным можно допустить, что лошадь, овцу и в более позднее время также верблюда древние китайцы заимствовали у алтайских племен. Индо-китайский пронарод употреблял также соль в пищу, между тем как древние индо-европейцы, может быть, еще не знали соли. Из металлов встречаются одинаковые названия золота и серебра в разных индо-китайских языках. В таком случае древние индо-китайцы знали, вероятно, также медь и золото, хотя для этих металлов встречаются разные названия.

О происхождении индо-китайского пронарода существуют у ориенталистов четыре теории, которые соответствуют четырем странам света. По одной теории китайцы вышли из древней Аккадии, между тем как по другой они появились с американского материка. Доктор

L. Wigen считает первоначальной родиной индо-китайского пронарода Индо-китайский полуостров, но ему возражают другие ориенталисты, будто движение народов было с севера на юг, а не наоборот. На основании всего этого противоречивая теория может вывести только одно заключение, что нет у нас никаких научных факторов о значительных передвижениях индо-китайцев вообще и китайцев в частности. Такое мнение подтверждается также антропологами, которые думают, что люди монгольской расы занимали изолированное положение, т. е. не смешивались в более значительной мере с представителями других рас, в течение десятков, а может быть и сотен тысяч лет. Таким образом нет у нас причин искать родину древних индо-китайцев ни в Америке, ни в древней Аккадии. О движении народов с юга на север и наоборот есть у

насъ предположенія этнографовъ и историковъ. Какъ различны породы обитателей, точно такъ же вѣроятно, и первые люди жили только въ тропическихъ странахъ, поэтому только слабыя племена, подъ давленіемъ сильнѣе, были принуждены двигаться на сѣверъ. Исторія показываетъ намъ, что у всѣхъ сѣверныхъ народовъ есть известное тяготѣніе къ югу: какъ только ослабѣваетъ какой нибудь южный народъ, его страну захватываютъ болѣе сильныя сосѣди на сѣверѣ. Къ сѣверу отъ Китая находится пустыня Гоби, а дальше Сибирская тайга, затѣмъ тундры, все мѣстности, въ которыхъ никогда не было густого народонаселенія. Хотя жители пустыни Гоби, по даннымъ китайской исторіи, въ теченіе почти трехъ тысячелѣтій постоянно нападаютъ на Китай, но вслѣдствіе своей малочисленности они не могутъ прогнать китайцевъ дальше на югъ. Наоборотъ, китайцы двигаются, хотя очень медленно, все — таки постоянно впередъ по направленію къ сѣверу. Сѣверо-восточную часть современнаго Китая, по всей вѣроятности, занимали инородцы И, которые, какъ кажется, принадлежали къ палеазиатамъ.

Предки ялтайскаго пранарода могли переселиться изъ сѣверозападной части нынѣшняго Китая въ сѣверную часть Гоби подъ давленіемъ предковъ сяньцевъ и тибетцевъ. При такихъ условіяхъ китайцы двигались не только на югъ, какъ намъ уже известно по исторіи, но и на сѣверъ. Очень можетъ быть, что предки индо-китайскаго пранарода когда-то вышли изъ Индо-китайскаго полуострова, но для болѣе точнаго опредѣленія прародины самихъ индо-китайцевъ нѣтъ у насъ еще никакихъ научныхъ данныхъ. Съ болѣе вѣроятностью можно говорить о первоначальной родинѣ китайцевъ, хотя и по этому вопросу приходится ограничиваться гипотезами. Главная ошибка синологовъ заключается въ томъ, что происхожденіе китайскаго народа,

языка и культуры они идутъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Многие сино-логи считаютъ не безъ причины родиной современной китайской культуры сѣверную провинцію Шань-си, но это еще не значитъ, что тамъ же должна находиться колыбель китайскаго народа. Современный Китай не представляетъ собою пелнаго этнографическаго единства, но состоитъ изъ двухъ разныхъ культурныхъ цикловъ: сѣвернаго и южнаго, при чемъ рѣка Яндзыдзянь является главной границей между этими двумя циклами. На сѣверѣ китайцы сѣютъ пшеницу и пахутъ быками, между тѣмъ какъ на югѣ процвѣтаетъ рисовая культура и быка замѣняетъ буйволъ. Сѣверяне держатъ лошаковъ, ословъ, лошадей и верблюдовъ, вѣзятъ въ телѣгахъ и устраиваютъ дороги; южане путешествуютъ въ лодкахъ и носилкахъ и роютъ каналы. На сѣверѣ преобладаетъ пришедшій изъ Индіи буддизмъ, но на югѣ принадлежитъ первое мѣсто чисто китайской даосской религіи. Въ сѣверной Китаѣ мы видимъ значительное вліяніе культуры центральной азіи, въ то время какъ южные китайцы походятъ больше на другія индо-китайскія племена. Среди древнѣйшихъ китайскихъ іероглифовъ встрѣчаются знаки для риса, бамбука и тыквообразныхъ растеній, которыя только впоследствии были принесены въ сѣверный Китай. Судя по всемъ этимъ даннымъ родину китайскаго языка нужно искать скорѣе гдѣ-либо въ южной Китаѣ, чемъ къ сѣверу отъ рѣки Яндзыдзяна. Что же касается современнаго китайскаго народа, то онъ состоитъ по преимуществу изъ двухъ разныхъ элементовъ: сѣверныхъ и южныхъ. Последніе, какъ уже сказано, стоятъ ближе къ другимъ индо-китайскимъ народамъ, между тѣмъ какъ сѣверные китайцы въ значительной мѣрѣ смѣшались съ тангутами, алтауцами и палеазиатами.

Въ послѣднее время приобрѣла большую популярность гипотеза

англійскаго ученаго *G. J. Ball*, а въ Оксфордѣ, будто китайцы и древніе сумерійцы общаго происхожденія и родственны между собою.

G. J. Ball основываетъ свое предположеніе исключительно на сравненіи сумерійскихъ и китайскихъ словъ. Но сумерійскій языкъ существовалъ, какъ полагаютъ, не позже четвертаго тысячелѣтія до Р. Л., въ то время какъ произношеніе китайскихъ словъ мы знаемъ только за послѣднее тысячелѣтіе; слѣдовательно съ сумерійскимъ языкомъ мы можемъ сравнивать только корни индо-китайскаго прозякка, но никакъ не современный китайскій языкъ, котораго во времена сумерійцевъ еще не существовало. Точно также не родину китайцевъ намъ нужно искать въ древней Аккадіи, но колыбель индо-китайскаго пранарода, если мы придаемъ гипотезѣ *G. J. Ball*'а научное значеніе. Но въ Аккадіи древніе индо-китайцы не могли занимать такого продолжительнаго изолированнаго положенія, о какомъ говорятъ современные антропологи. Нѣтъ у насъ также ни историческихъ, ни археологическихъ данныхъ о движеніи сумерійцевъ на востокъ. Сходство китайскихъ словъ съ сумерійскими ничего не доказываетъ, такъ какъ съ такимъ же успѣхомъ сравнивали китайскій языкъ также съ венгерскимъ, русскимъ и еврейскимъ языками. Наконецъ ученые совсѣмъ упускаютъ изъ виду тотъ важный фактъ, что въ древности между народами западной Азіи и китайцами жили тибетцы и родственные имъ сянсы, поэтому нѣтъ у насъ причины думать, что китайцы когда нибудь были непосредственными сосѣдями западныхъ народовъ.

13 ЛЕКЦІЯ.

Въ предшествующихъ лекціяхъ мы познакомились со всѣми важнѣйшими языками и народами, которые или содѣйствовали развитію запад-

ной культуры, или имѣли значеніе для исторіи Европейской Россіи и Сибири. Хотя и другіе языки не менѣе важны для языковѣдѣнія, но они еще мало изслѣдованы и стоятъ ^{дальше} усть нашихъ интересовъ. Поэтому ограничимся только краткимъ обзоромъ остальныхъ семей языковъ, существующихъ въ южной Азіи, Африкѣ, Америкѣ и Австраліи.

На Деканскомъ полуостровѣ живутъ около 75 милліоновъ такъ называемыхъ дравидскихъ племенъ, которыя являются, вѣроятно, аборигенами Индіи, оттѣсненными на югъ индо-европейскими индійцами. Дравидскую семью составляютъ многочисленныя языки и діалекты, которые, происходятъ, какъ полагаютъ, отъ одного праязыка. Къ тѣмъ же дравидамъ относятъ еще брахуйцевъ Белуджистана, считаемыхъ потомками Геродотовскихъ эфиоповъ южной Персіи.

Австро-азиатскіе народы живутъ въ восточной части передней Индіи, въ Индо-Китаѣ, на полуостровѣ Малаккѣ и на ближайшихъ островахъ. Важнѣйшими представителями этой группы языковъ являются языки аннамскіи, монъ, хмеръ, мунда и другіе. Аннамцы заимствовали китайское іероглифическое письмо и уже со второго вѣка до Р.Х. находятся подъ вліяніемъ китайской культуры, поэтому аннамскіи языкъ причисляется нерѣдко совершенно неправильно къ индо-китайской семьѣ языковъ.

По мнѣнію новѣйшихъ спеціалистовъ, къ тѣмъ же австро-азиатскимъ языкамъ принадлежатъ еще малайская семья языковъ, распадающаяся на малайскую, полинезийскую и меланезійскую группы. Малайскія племена живутъ на громадномъ пространствѣ отъ Мадагаскара до острова Пасхи въ одномъ направленіи, а въ другомъ отъ острова Формозы до Новой Зеландіи. Г. фонъ дерв Габеленцъ находитъ аналогію по внѣшнему строю между малайскими и семитскими языками и

объясняетъ это сходство одинаковимъ характеромъ обоихъ племенъ.

Нѣкоторыя малайскія племена смѣшаны съ народами той расы, которая называется папуа (отъ малайскаго слова *рапиан* (судравый) и населяетъ различные австралійскіе острова. Папуа является пока этнографическимъ терминомъ, такъ какъ лингвистическое родство *между* многочисленными папуаскими языками и нарѣчіями еще не доказано.

Изъ языковъ, принадлежащихъ австралійской расѣ, которая населяетъ материкъ Австраліи и сосѣдніе острова, извѣстны пока лишь нѣкоторые; тѣмъ не менѣе спеціалисты полагаютъ, что они образуютъ одну семью.

Въ средней Африкѣ существуетъ много негритскихъ и нубійскихъ языковъ, которые остаются пока недостаточно изслѣдованными въ генеалогическомъ отношеніи.

Почти всю южную половину Африки занимаютъ каффы или банту, говорящіе на различныхъ языкахъ, которые находятся въ близкомъ родствѣ между собою и отличаются употребленіемъ префиксовъ вмѣсто нашихъ суффиксовъ. Къ семьѣ языковъ банту не принадлежатъ однако геттентотскій и бушменскій языки, которые, какъ кажется, и не родственны между собою.

Американскихъ аборигеновъ, принадлежащихъ къ американской расѣ, насчитываютъ теперь около 10 милліоновъ, и говорятъ они приблизительно на 150 языкахъ, которые по географическимъ и этнографическимъ даннымъ раздѣляются на 6 группъ. Родственныя отношенія между американскими языками еще не выяснены, хотя большинство изъ нихъ отличается инкорпорирующимъ или полисинтетическимъ строемъ, но этотъ признакъ самъ по себѣ не можетъ служить доказательствомъ родства по происхожденію.

Одинокѣ стоитъ въ генеалогической классификаціи языковъ эскимосскій языкъ въ полярной Америкѣ, къ которому ^{иногда} ученые относятъ ^{однако} еще языкъ алеутовъ на Алеутскихъ островахъ.

Изъ нашего краткаго очерка генеалогической классификаціи языковъ мы видимъ, что современное языковѣдѣніе достигло значительныхъ результатовъ въ распредѣленіи различныхъ языковъ по семействамъ. Тѣмъ не менѣе нѣкоторыя семьи языковъ еще не установлены окончательно, а многіе языки остаются или вовсе неизслѣдованными, или мало доступными для изученія. При дальнѣйшемъ развитіи нашей науки будутъ, вѣроятно, дополнены не только эти пробѣлы, но и нѣкоторыя изъ извѣстныхъ семействъ окажутся, можетъ быть, родственными между собою. Мы знаемъ, на примѣръ, что русскій и финскій языки принадлежатъ къ двумъ различнымъ семействамъ языковъ, первый къ индо-европейскому, второй къ финно-угорскому; но въ настоящее время мы еще не можемъ сказать съ увѣренностью, родственны ли между собою или нѣтъ — тотъ языкъ изъ котораго образовалась индо-европейская семья языковъ, и тотъ изъ котораго произошла семья финно-угорскихъ языковъ. Сама собою разумѣется, что этотъ вопросъ мы можемъ рѣшить, сравнивая выше упомянутые языки, но не современные русскія слова съ финскими. Нѣкоторые языковѣды, какъ уже сказано, приводятъ дѣйствительно нѣсколько примѣровъ, могущихъ говорить въ пользу родства между индо-европейскими и финно-угорскими или даже всеми уральскими языками, ^{но} съ такимъ же успѣхомъ сравниваютъ также семитскіе корни словъ съ индо-европейскими. Далѣе многіе спеціалисты увѣрены въ отдаленномъ родствѣ между семитскою и хамитскою семьями языковъ. Для болѣе удовлетворительнаго рѣшенія этого вопроса слѣдовало бы сравнивать все эти четыре семьи

языковъ, но трудно намъ представить себѣ какую нибудь этнографическую и историческую связь между уральскими народами съ одной стороны и хамитами въ Африкѣ съ другой стороны. Но кромѣ того остаются еще другія шпательныя ^{со аналогичн. лингв.} различныя семейства языковъ. Нельзя отрицать, какъ уже сказано, известнаго фонетическаго родства между уральскими и алтайскими языками, а послѣдніе находятся въ контактѣ съ палеазиатскими и индо-китайскими языками. Палеазиатскіе языки въ свою очередь напоминаютъ намъ по своему полисинтетическому строю американскіе языки. Такимъ образомъ намъ пришлось ^{бы} сравнивать почти все семьи языковъ, но такое сравненіе, очевидно, не могло бы дать намъ научныхъ результатовъ для опредѣленія генеалогическаго родства между разными семьями.

Наконецъ не слѣдуетъ намъ еще забывать, что генеалогическая классификація языковъ не находится въ зависимости отъ дѣленія человечества на расы. Такъ на примѣръ, роднымъ языкомъ многочисленныхъ негровъ въ Америкѣ является англійскій языкъ, не смотря на то, что они Африканскаго происхожденія. Далѣе мы видѣли что нѣкоторые изъ папуаскихъ племенъ говорятъ на малайско - ^{чужд.} полнезійскихъ нарѣчіяхъ. Съ другой стороны индо-европейцы, финно-угры и кавказцы принадлежать къ бѣлой расѣ, но отсюда не слѣдуетъ, какъ мы уже видѣли, что и по языку они должны составить одну семью.

14 ЛЕКЦІЯ.

Безчисленное множество словъ человѣческаго языка наука подраздѣляетъ на тѣ наиболѣе крупныя морфологическія разряды, которые называются частями рѣчи. Въ нашихъ грамматикахъ различаютъ обыкновенно девять частей рѣчи, которыя носятъ слѣдующія названія:

- 1) имя существительное (звѣта ^и шит), 2) имя прилагательное

(*adjectivum*) 3) глаголь (*verbum*), 4) имя числительное (*numeralis*),
5) мѣстоименіе (*pronomen*), 6) нарѣчіе (*adverbium*), 7) предлогъ
(*praepositio*), 8) союзъ (*coniunctio*) и 9) междометіе (*interjectio*).

Во многихъ языкахъ выдѣляется еще одна часть рѣчи, а именно такъ
называемые члены, которые происходятъ обыкновенно отъ мѣстоименія
указательныхъ и именъ числительныхъ. Нѣкоторые служебныя слова,
происшедшіе чаще всего отъ нарѣчій и союзовъ, не подходятъ ни
подъ ту, ни подъ другую изъ указанныхъ частей рѣчи и называются
въ грамматикахъ ^{просто} частицами. Что же касается значенія словъ, то пер-
вые шесть частей рѣчи состоятъ изъ знаменательныхъ словъ, имѣющихъ
полное собственное значеніе, между тѣмъ какъ предлоги и союзы яв-
ляются просто служебными словами или словечками отношенія, не имѣ-
ющихъ ~~своего~~ собственного значенія и служащими лишь для показанія разнаго
рода отношенія въ предложеніи. Въ этихъ двухъ категоріяхъ стоятъ
междометія или восклицанія, служація выраженіемъ нашихъ эмоціональ-
ныхъ состояній. Съ точки зрѣнія флексій пять первыхъ частей рѣчи
можно назвать измѣняемыми частями, а остальные — неизмѣняемыми.
Кромѣ того полнозначныя или знаменательныя слова дѣлятся въ свою
очередь на самостоятельныя и подчиненныя слова. Самостоятельными
словами въ предложеніи являются имена существительныя, глаголы и
мѣстоименія личныя. Изъ подчиненныхъ знаменательныхъ словъ имена
прилагательныя, причастія глаголовъ, имена числительныя и мѣстоиме-
нія определительно — указательныя опредѣляютъ имена существитель-
ныя, въ то время какъ нарѣчія и дѣепричастія подчиняются глаго-
ламъ. Всѣ эти части рѣчи не представляютъ собою совершенно обособ-
ленныхъ категорій, но очень часто отъ одной части рѣчи образуется
другая, при чемъ для такого образованія словъ служатъ разные суф-

фиксальные элементы. Примеры: богатый, богатство, богатѣть, богато, дѣлать, дѣло, дѣльный, подѣломъ; жена, женскій, по-женски, жениться. Но одно значеніе словъ можетъ перейти въ другое даже безъ всякихъ суффиксовъ и окончаній. Примеры на англійскомъ языкѣ: "flat" ровный, равнина, приглаживать, цѣликомъ; "sound" звукъ, звучать, здоровый; "last" послѣдній, конецъ, продолжаться. Такъ какъ между разными частями рѣчи нѣтъ ни строгой морфологической, ни семасіологической границы, то нѣкоторые языковѣды полагаютъ, что въ примитивномъ языкѣ еще не было никакихъ опредѣленныхъ частей рѣчи. Въ первоначальныхъ корняхъ словъ какъ уже сказано, одни ищутъ исключительно значенія глаголовъ, а другіе — именъ существительныхъ. По третьей гипотезѣ слова въ первоитномъ языкѣ заражали лишь общую идею, которая получала опредѣленное значеніе только въ предложеніи. Но наука не знаетъ никакихъ первобытныхъ языковъ, состоящихъ исключительно изъ глаголовъ, именъ существительныхъ или какиа то общаго неопредѣленного идеи, поэтому нѣтъ у насъ также причины искать такое состояніе въ разныхъ языкахъ. Такимъ своеобразнымъ языкомъ, состоящимъ какъ будто исключительно изъ "идей", считаютъ обыкновенно китайскій языкъ, но такое теоретическое предположеніе не подтверждается фактами. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что китайскія слова, какъ напримѣръ: "шан" гора, "баі" бѣлый, "лаі" приходитъ, имѣютъ такіа же опредѣленные значенія, какъ и слова въ другихъ языкахъ. Если многочисленныя китайскія слова принадлежатъ къ разнымъ частямъ рѣчи, то это объясняется очень просто отсутствіемъ формальныхъ признаковъ для частей рѣчи, но это вовсе не значитъ, что послѣднихъ въ китайскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ. По правиламъ грамматики мы знаемъ, что основными элементами языка являются какъ

разъ простыхъ слова съ конкретными значеніями, между тѣмъ какъ производныя слова, переносныя значенія и разныя обобщенія являются результатомъ развитія человѣческой рѣчи. Уже по логическимъ соображеніямъ нѣтъ у насъ никакого основанія предполагать, что китайскій языкъ, на которомъ говоритъ одинъ изъ древнѣйшихъ культурныхъ народовъ, остался еще въ первобытномъ состояніи. Если въ англійскомъ языкѣ мы не отрицаемъ существованія частей рѣчи, то на такомъ же основаніи мы можемъ различать ихъ также въ китайскомъ языкѣ. Врядъ ли подлежить сомнѣнію, что то разнообразіе частей рѣчи, какое мы теперь видимъ въ индо-европейскихъ языкахъ, развивалось не сразу, такъ какъ уже въ индо-европейскомъ проязыкѣ существовали въ общемъ тѣ части рѣчи, какія мы находимъ теперь; поэтому изучать исторію ихъ развитія мы можемъ только при помощи сравненія разныхъ семей языковъ.

Имя существительное.

Имена существительныя, какъ и другія части рѣчи, могутъ быть корневыми, въ которыхъ корень и основа совпадаютъ (напр.: греч. *πίς*, лат. *apis*, нѣм. *Maus* — мыш — в), и производными отъ другихъ словъ (напр.: дом — икъ отъ сл. домъ). Съ исторической точки зрѣнія въ русскомъ языкѣ нѣтъ корневыхъ существительныхъ, такъ какъ въ нихъ корень всегда распространенъ тематическимъ элементомъ, т.е. какимъ-нибудь суффиксомъ или окончаніемъ. Во многихъ индо-европейскихъ языкахъ звукъ *s* (с) является окончаніемъ большого числа именъ существительныхъ и считается сокращеніемъ мѣстоименія указателя *наго* (*so*). Аналогію такого же процесса мы видимъ въ окончаніи *п* (*n*) въ алтайскихъ языкахъ, которое сравниваютъ съ монголь-

скимъ мѣстоименіемъ "me" звать. Кромѣ окончаній или простыхъ конечныхъ звуковъ есть еще разныя суффиксы, префиксы и инфиксы, которыя, присоединяясь къ корню, опредѣляютъ принадлежность обозначаемаго предмета къ тому или другому классу бытія. Нѣкоторые изъ такихъ суффиксальныхъ элементовъ первоначально не были настоящими суффиксами, но имѣли самостоятельное значеніе. Примѣры: гражданинъ (инь), по нѣмецки *Schönheit* (красота), *Reichtum* (богатство отъ древневерхненѣмецкаго слова *riem* - состояніе) богатство. Въ китайскомъ языкѣ почти только самостоятельныя имена существительныя соотвѣтствуютъ суффиксамъ въ индо-европейскихъ языкахъ; такъ напримѣръ "голова" опредѣляетъ круглыя предметы, "ребенокъ" - уменьшительныя слова, "способъ" - разныя знанія и искусства и т.д. Тѣмъ не менѣе мы не можемъ объяснить происхожденіе значительнаго большинства суффиксовъ въ извѣстныхъ намъ языкахъ, и поэтому вопросъ о первоначальномъ значеніи суффиксальныхъ элементовъ остается еще открытымъ. Въ производствѣ словъ префиксы играютъ въ общемъ такую же роль, какъ суффиксы, и поэтому исторія развитія тѣхъ и другихъ элементовъ одинакова. Третьимъ видомъ аффиксовъ, какъ уже сказано, являются инфиксы, которые въ индо-европейскихъ встрѣчаются сравнительно рѣдко. Такимъ инфиксомъ считается звукъ п (н) въ нѣкоторыхъ индо-европейскихъ языкахъ, какъ напр.: лат. "judicant" иго, а глаголъ "judicant" связывать, лат. "judicant" иго.

Кромѣ производныхъ словъ съ аффиксами есть еще сложныя имена существительныя, состоящія изъ двухъ полнозначныхъ словъ, какъ напримѣръ: водспадъ, нессрэгъ, зледѣи, черносливъ, небожитель и тому подобныя.

тиль уже всѣ родовыя различія. Но какіе именно мотивы заставляли людей причислить неодушевленные предметы къ тому или другому роду, — этотъ вопросъ остается еще открытымъ.

Кромѣ родовыхъ различій имена существительныя представляютъ еще различія количественныя, а именно единственное и множественное число. Во многихъ изъ вымершихъ теперь индо-европейскихъ языковъ было еще двойственное число, сохранившееся до сихъ поръ лучше всего въ литовскомъ языкѣ. Двойственное число знаютъ также финно-угорскіе языки, въ то время какъ въ языкахъ дикарой Америки, Австраліи и Африки находятъ даже признаки тройственного и четверного чиселъ. Китайскій литературный языкъ не имѣетъ никакихъ количественныхъ различій, но разговорная рѣчь различаетъ уже множественное число мѣстоимѣній и такихъ существительныхъ, которыя означаютъ людей. Точно такое же множественное число, какъ въ разговорной китайской рѣчи, имѣютъ также алтайскіе языки. Главной частицей, образующей множественное число въ китайскомъ языкѣ, является слово "Мон", которое имѣло первоначальное значеніе "семья". Здѣсь мы видимъ какъ разъ исторію развитія формъ множественнаго числа у именъ существительныхъ.

Средній родъ множественнаго числа не только по своему значенію, но иногда и по окончаніямъ, подходитъ къ единственному числу, такъ какъ тутъ и тамъ обозначается множественность однородныхъ предметовъ. Срав. напр. слова: "толпа" и "стада". Этимъ кажущимся сходствомъ объясняется та особенность древне-русскаго языка, что при существительномъ собирательномъ единственнаго числа, какъ подлежащемъ, ставится нерѣдко глаголъ въ множественномъ числѣ; напр.: "Дружина моя сему смѣяться начнутъ." Въ древне-гре-

чекскомъ языкѣ, наоборотъ, при среднемъ родѣ множественнаго числа глаголь полагается въ единственномъ числѣ; напр.: "Targumata taïta deïna estin" (вмѣсто *estint*) эти дѣла ужасны. Подобныя обстоятельства повліяли, по всей вѣроятности, и на балтійскіе языки, гдѣ третье лице при глаголахъ не имѣетъ уже никакой спеціальной формы для множественнаго числа.

При склоненіи имена существительныя измѣняются не только по числамъ, но и по падежамъ, которыя въ индо-европейскомъ прѣязыкѣ предполагаютъ всего восемь, а именно: именительный (*nominativus*), родительный (*genitivus*), дательный (*dativus*), винительный (*accusativus*), отложительный (*ablativus*), мѣстный (*locativus*), творительный (*instrumentalis*) и звательный (*vocativus*). Эти падежи, по ихъ значенію въ предложеніи дѣлятся на три категоріи. 1) Адвербальныя падежами называются тѣ падежи, которые находятся въ какой нибудь зависимости отъ глагола. Такими являются не только косвенные падежи, но и номинативъ. 2) Если падежь зависитъ отъ имени существительнаго, то онъ считается адноминальнымъ. Главнымъ падежемъ послѣдней категоріи можно считать родительный падежь, тѣмъ болѣе, что во многихъ языкахъ (напримѣръ въ индо-китайскихъ и алтайскихъ) онъ имѣетъ исключительно атрибутивное значеніе и никогда не зависитъ отъ глагола. 3) Наконецъ звательный падежь составляетъ какъ будто своеобразное предложеніе, такъ какъ онъ является просто номинальной формой восклицанія и не входитъ въ составъ предложенія. Въ семитскихъ языкахъ различаютъ только три вида падежей, а именно: именительный (подлежащее), винительный (дополненіе) и родительный (опредѣленіе), между тѣмъ какъ финно-угорскіе языки имѣютъ до двадцати разныхъ окончаній склоненія.

Съ другой стороны китайскій языкъ не знаетъ опять почти никакихъ формальныхъ признаковъ для падежей, и къ такому же состоянію приближается англійскій и французскій языки. Поэтому языковѣды полагаютъ, что въ примитивныхъ языкахъ не было еще никакого склоненія именъ существительныхъ, но среди специалистовъ нѣтъ еще единогласія, какіе падежи считать первоначальными; три основныхъ падежа, какъ въ семитскихъ языкахъ, или до двадцати разныхъ формъ, какъ въ финно-угорской семьѣ языковъ. Не выясненнымъ остается также вопросъ о томъ, имѣли ли окончанія склоненія какое — нибудь самостоятельное значеніе.

Имя прилагательное.

Имена прилагательныя нѣкоторые языковѣды считаютъ подотдѣломъ именъ существительныхъ, но безъ достаточнаго основанія, такъ какъ въ нѣкоторыхъ языкахъ прилагательными стоятъ ближе къ глаголамъ. Вообще имя прилагательное можетъ являться въ предложеніи не только—опредѣленіемъ имени существительнаго (напр.: высокая гора) но входитъ также въ составъ сказуемаго (напр.: гора высока). Производныя имена прилагательныя образуются черезъ посредство разныхъ суффиксовъ, какъ и имена существительныя, и мы можемъ объяснить также происхожденіе нѣкоторыхъ изъ такихъ суффиксальныхъ элементовъ. Такъ напримѣръ, нѣмецкое слово "*fruchtbar*", плодородный, происходитъ отъ словъ "*Frucht*", плодъ, и древневерхненѣмецкаго "*bāri*", носящій, въ смыслѣ: плодоносящій. Въ индо-европейскихъ языкахъ имя прилагательное согласуется съ опредѣляемымъ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, но такое обстоятельство не считается нормой для всѣхъ языковъ, такъ какъ многіе языки (ка

мѣръ, алтайскіе, и индо-китайскіе и даже современный англійскій языкъ) такого согласія не знаютъ. По этой причинѣ можно предполагать, что разныя окончанія склоненія при именахъ прилагательныхъ появились только впоследствии. Въ русскомъ, нѣмецкомъ и балтійско^{мъ} языкахъ имена прилагательныя являются въ двухъ формахъ - простой (для сказуемаго) и сложной (для опредѣленія), соответственно синтаксическому различію въ употребленіи. Сложная форма образовалась изъ простой черезъ присоединеніе мѣстоименія указательнаго, наминающаго вышеупомянутое окончаніе *s* (с) именъ существительныхъ. Въ русскомъ языкѣ такимъ мѣстоименіемъ было *и*, *я*, *е* (напр.: добръ * *и*, добра * *я* и добро * *е*), но еще янѣе мы видимъ это развитіе въ литовскомъ языкѣ, гдѣ склоняются не только мѣстоименіе какъ суффиксъ, но и опредѣляемое имя прилагательное (напр.: "*geras* - (s) " добрый (отъ *geras* и *jis* онъ, тотъ), "*gero* - (j) добрая (отъ *gera* и *ji* она, та), "*gero* - (j) добраго, (отъ *gero* и *jo* него"), "*geros* - (os) " доброй (отъ *geros* и *jos* ея).

Имена прилагательныя могутъ имѣваться еще по степенямъ сравненія, которыя называются положительной (*positivus*), сравнительной (*comparativus*) и превосходной (*superlativus*). Но въ нѣкоторыхъ языкахъ (какъ напримѣръ въ алтайскихъ и индо-китайскихъ) нѣтъ никакихъ специальныхъ формъ для степеней сравненія, и эти понятія выражаются тамъ описательно. Филологи полагаютъ, что и въ индо-европейскихъ языкахъ образовались степени сравненія по примѣру такихъ словъ, которые выражали какое нибудь сравненіе, при чемъ окончанія превосходной степени считаются болѣе поздними заимствованіями съ суффиксовъ именъ числительныхъ порядковыхъ.

Г л а г о л ь .

Какъ имена существительныя и прилагательныя, точно также и глаголы бываютъ коренные и производныя, при чемъ послѣдніе образуются при помощи разныхъ аффиксовъ. Суффиксамъ и префиксамъ въ индо-европейскихъ языкахъ соотвѣтствуютъ обыкновенно разные вспомогательные глаголы въ китайскомъ языкѣ.

Соотвѣтственно различной природѣ нашихъ дѣйствій, глаголы классифицируются на роды или залогов. Въ нашихъ грамматикахъ насчитываютъ обыкновенно шесть такихъ залоговъ, а именно: дѣйствительный, страдательный, средний, возвратный, взаимный и общій.

Но главными залогомъ являются только дѣйствительный и средний, между тѣмъ какъ остальные могутъ считаться просто частными случаями первыхъ. Дѣйствительные глаголы называются также переходными, такъ какъ они выражаютъ такіа дѣйствія, которыя совершаются надъ какимъ либо предметомъ (объектомъ). Средніе или ^{не} переходные глаголы выражаютъ состояніе или такое дѣйствіе, которое проявляется субъектомъ безъ отношенія къ какому - либо объекту. Но и между этими двумя залогомъ нѣтъ строгой разницы, такъ какъ напримѣръ, въ китайскомъ языкѣ глаголы имѣютъ обыкновенно два значенія: дѣйствительное и среднее. Такіе примѣры встрѣчаются также въ индо-европейскихъ языкахъ; напр.: "играть на скрипкѣ" и "играть пьесу"; по нѣмецки: "*Bäcker bäckt*", пекарь печетъ, и "*das Brot bäckt*", лѣвъ печется. Если такимъ образомъ одинъ и тотъ же глаголъ можетъ выражать и производимое и испытываемое субъектомъ дѣйствіе, то и строгая граница между этими двумя залогомъ не можетъ быть установлена.

субъектъ можетъ испытывать какъ

параллельный или дополнительный къ дѣйствительному.

Въ китайскомъ языкѣ нѣтъ никакой специальной формы страдательнаго залога, и подобныя понятія выражаются обыкновенно вспомогательными глаголами. Слѣдующую степень развитія залоговъ мы встречаемъ въ алтайскихъ языкахъ, которые имѣютъ своеобразный потенціальный залогъ съ побудительными и страдательными функциями. Языковѣды полагаютъ что и въ индо-европейскомъ проязыкѣ не было специальной формы страдательнаго залога. Кромѣ залоговъ глаголы дѣлятся еще на виды, и наша школьная грамматика насчитываетъ обыкновенно четыре вида, а именно: совр^{с ш}енный, несovre^сенный, однократный и многократный; но два послѣднихъ вида являются опять просто частными случаями первыхъ. Совр^{с ш}енный видъ выражаетъ исполненное или законченное дѣйствіе, между тѣмъ какъ несovre^{с ш}енный видъ представляетъ совершающееся или продолжительное дѣйствіе. Въ индо-европейскихъ языкахъ виды образуются при помощи разныхъ префиксовъ и суффиксовъ, которымъ соответствуютъ извѣстные вспомогательные глаголы въ китайскомъ языкѣ. При развитіи разныхъ временъ спряженія, виды являются лишними формами и теряютъ свои первоначальныя значенія.

Съ психологической точки зрѣнія, по мнѣнію философа В. Вундта, самой примитивной формой глагола должно быть повелительное наклоненіе. Это предположеніе подтверждается также грамматикой, такъ какъ повелительнымъ наклоненіемъ является нерѣдко (особенно въ алтайскихъ языкахъ) простая основа глагола.

Слѣдующей формой развитія флексіи можно считать, какъ мнѣ кажется, своеобразныя причастія въ алтайскихъ языкахъ, которыя не только опредѣляютъ имена существительныя, но могутъ быть также

и отглагольными именами существительными, и окончательными формами. Точно такую же роль играют также глаголы въ китайскомъ языкѣ, и нерѣдко даже безъ посредства служебныхъ словъ. Допуская такую важную роль примитивныхъ причастій, дальнѣйшее развитіе спряженія мы можемъ представить себѣ гораздо проще.

Врядъ ли подлежить сомнѣнію, что дѣепричастія происходятъ обыкновенно отъ причастій, но и окончательныя формы глаголовъ образуются нерѣдко при помощи причастій.

Многіе языки, какъ напримѣръ китайскій, манджурскій и монгольскій, не знаютъ никакихъ личныхъ окончаній глагола, но гдѣ таковыя встрѣчаются (напр. въ языкахъ финно-угорскихъ, семитскихъ, тунгусскихъ и въ древнихъ индо - европейскихъ), тамъ они соответствуютъ мѣстоимѣніямъ личнымъ, которыя присоединяются или къ основамъ глаголовъ, или къ причастіямъ.

Времена глаголовъ различаютъ больше по значенію, чѣмъ по окончаніямъ спряженія, такъ какъ послѣднихъ нѣкоторые языки не знаютъ. Такъ и въ индо - европейскихъ языкахъ находятъ большое сходство между окончаніями настоящаго времени, будущаго и аориста. Только прошедшее время выражавшее прежде всего исполненное дѣйствіе, отличается въ индо - европейскихъ языкахъ своеобразными формами.

Инфинитивовъ и супиновъ не знаютъ ни индо-китайскіе, ни алтайскіе языки, и также въ индо - европейскихъ языкахъ они считаются сравнительно новыми явленіями, происшедшими отъ отглагольных именъ существительныхъ, которыя, какъ уже сказано, не разнятся отъ примитивныхъ причастій.

ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ.

Имена числительныя дѣлятся 1) на количественныя, означающія ~~число~~ единицъ, и 2) порядковыя, означающія ту единицу, на которой останавливается счетъ. Такому различію по значенію соответствуетъ также формальное различіе: количественныя числительныя приближаются къ существительнымъ, тогда какъ всѣ порядковыя по своей формѣ являются прилагательными.

Что же касается происхожденія именъ числительныхъ, то они не могутъ принадлежать къ древнѣйшимъ ^{человѣческаго} корнямъ языка, такъ какъ нѣкоторые дикіе народы различаютъ только два — три числа. Тѣмъ не мѣнѣ можно сказать, что главными системами счисления являются десятичная, пятиричная и двадцатиричная.

Это обстоятельство объясняется очень просто тѣмъ, что всѣ люди считаютъ по пальцамъ, при чемъ главная роль принадлежитъ четыремъ пальцамъ руки (по англійски: *the finger*), между тѣмъ какъ большой палецъ (по англійски: *the thumb*) служитъ обыкновенно для округленія числа. Такую систему счисления подтверждаетъ также значеніе многихъ именъ числительныхъ въ различныхъ языкахъ первобытныхъ народовъ. Такъ напримѣръ, слово "пять" производятъ отъ отъ руки, "десять" — отъ выраженія "двѣ руки", а "двадцать" означаетъ всего человѣка, т.е. пальцы рукъ и ногъ.

Индо-европейскій пронародъ зналъ числа уже до тысячи, но можетъ быть, что первоначально онъ считалъ только до пяти, такъ какъ слова "шесть" и "семь" можно считать заимствованными съ семит-

скихъ языковъ. Срав. древнеинд. ^{v i v} *ṣaṣ*, лит. ^{v v} *šeši* и еврейское ^{v v} *šes* шесть; лат. *septem* гот. *sibun* и евр. *šēva*, араб. *ṣabu*, *ṣawm*. *šebe*.
 Въ монгольскихъ и тунгусско - манджурскихъ языкахъ совпадаютъ числа до пяти, а тунгусско - манджурское слово "Нингун" шесть можно произвести отъ манджурскаго слова "Нингу" верхъ, въ смыслѣ "верхняго" числа, свыше пяти. Точно такъ - же можно сравнивать числа до пяти, какъ уже сказано, въ нѣкоторыхъ палеазиатскихъ языкахъ. Въ финно-угорской семьѣ языковъ мы встрѣчаемъ собственныя имена числительныя до шести включительно, а остальные числа считаются заимствованными.

Числительное "пять" нѣкоторые филологи сравниваютъ съ словомъ "пясть" въ значеніи пяти пальцевъ, но болѣе вѣроятнымъ является этимологія слово "*decem*" (по лат. десять) отъ сочетанія словъ "два" и "рука" (лит. *kumpe*).

Въ датскомъ, албанскомъ и въ особенности въ кельтскихъ языкахъ имѣются признаки двадцатиричной системы счисленія, такъ какъ сорокъ тамъ выражается черезъ дважды двадцать, шестьдесятъ - черезъ трижды двадцать, а восемьдесятъ - черезъ четырежды двадцать. Такимъ образомъ и французское слово "*quatre-vingt*" надо считать переводомъ кельтскаго слова. Подъ двадцатью здѣсь подразумѣвается, конечно, пальцы рукъ и ногъ, какъ видно по древне - индійскому слову "*vysatis*" двадцать, означающему не "два десятка", но "оба десятка".

Греческое слово "*okto*" восемь имѣетъ окончаніе двойственнаго числа и означаетъ дважды четыре пальца, такъ какъ считали обыкновенно по четыремъ пальцамъ. По готскимъ словамъ "*ainlif*" (один-

надцать) и "twalif" (двѣнадцать) мы видимъ, что въ германскихъ языка уже давно появились простыя числа до двѣнадцати, т.е. трижды четыре.

На такой же способъ счисления указываютъ также римскія и китайскія цифры; а послѣднія, какъ кажется, першли также къ индійцамъ, арабамъ и европейцамъ.

Римскія	Древнiя	КИТАЙСКIЯ		Индiйскiя.	Европeйскiя.
		Каллиграфическiя.	Скорoписныя.		
I - одинъ палецъ	— одинъ палецъ	—	—	9	1
II - два п.	== два пальца	==	2	2	2
III - три п.	≡ три пальца	≡	3	3	3
IIII - четыре п.	} четыре пальца	Ⅳ	4	8	4
IV - пять безъ 1					
V - рука	} рука или все	Ⅴ	5	4	5
VI - рука + 1 п.	Ⅵ = Ⅴ + 1 два	Ⅵ	6	6	6
VII - рука + 2 п.	Ⅶ = Ⅴ + 2 три	Ⅶ	7	7	7
VIII - рука + 3 п.	Ⅷ дважды четыре п.	Ⅷ	8	8	8
IX - две руки безъ 1 п.	} обратно Ⅸ	Ⅸ	9	9	9
X - две руки V + Ⅴ	} + видоизмѣненiе пяти X	Ⅹ	0	0	0

Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что знакъ ноль принадлежитъ къ древнимъ

китайскимъ іероглифамъ, такъ какъ китайцы не только пишутъ, но и произносятъ этотъ знакъ; напр.: 101, і-бай лині, сто ноль одинъ, такъ какъ і-бай і будетъ 110. Цифры, какъ символическіе знаки, являются самыми обыкновенными іероглифами въ китайской письменности, но въ алфавитномъ санскритскомъ письмѣ онѣ принадлежатъ къ исключеніямъ. Если и санскритологи правы, что цифры появились въ Индіи уже въ послѣднихъ столѣтіяхъ до Р.Х., когда нѣтъ у насъ еще историческихъ данныхъ о сношеніяхъ между Индіей и Китаемъ, то и такой фактъ нисколько не отрицаетъ возможности заимствованія китайскихъ цифръ индійскими. Еще труднѣе намъ объяснить сношенія между Индіей и Хансаномъ отъ шестого до восьмого вѣка до Р.Х., когда индійцы заимствовали хансанскій алфавитъ. Начало индійской и китайской культуры нужно искать не позже третьяго тысячелѣтія до Р.Х., и вряд ли эти культуры развивались вполнѣ самостоятельно, безъ всякаго взаимнаго вліянія. Наконецъ для заимствованія цифръ вовсе не нужны безусловно непосредственныя сношенія между индійцами и китайцами, такъ какъ роль посредниковъ могли играть народы Центральной Азіи, древняя культура которыхъ не подлежитъ сомнѣнію.

Пользуясь этимъ случаемъ, я объясню также происхождение остальныхъ римскихъ цифръ. "С" и "М", какъ извѣстно, считаются сокращеніями латинскихъ словъ "*centum*" сто и "*mille*" тысяча знакъ "L" въ значеніи пятидесяти объясняютъ какъ половину буквы "С", а именно нижнюю часть ея ($\text{C} = \text{L} = \text{L}$). Точно такъ-же и знакъ, "D" въ значеніи пяти есть является половиной буквы "М", по древнему начертанію "X" (а именно, половина X будетъ $\Delta = \Delta = \text{D}$).

Мѣстоименіе .

Мѣстоименія дѣлятся на слѣдующіе разряды: 1) личныя, 2) возвратныя, 3) притяжательныя, 4) указательныя, 5) вопросительныя, 6) относительныя, 7) опредѣлительныя, 8) отрицательныя и 9) неопредѣленныя. Всѣ эти разряды вмѣстѣ раздѣляются на двѣ категоріи: мѣстоименія личныя и опредѣлительно-указательныя. Къ личнымъ или самостоятельнымъ мѣстоименіямъ причисляютъ еще возвратнос, а близко подходятъ къ нимъ вопросительныя "кто ? " и "что?". Переходъ къ другимъ мѣстоименіямъ мы видимъ въ вопросительныхъ мѣстоименіяхъ, которыя могутъ требовать въ отвѣтѣ указательныхъ опредѣленій разнаго рода.

Китайскій и алтайскіе языки незнаютъ никакихъ относительныхъ и отрицательныхъ мѣстоимѣній, но каждое вопросительное мѣстоименіе въ китайскомъ языкѣ можетъ имѣть также неопредѣленное значеніе.

Хотя мѣстоименія личныя въ индо-европейскихъ, семитскихъ и финно-угорскихъ языкахъ принадлежатъ, какъ кажется, къ древнѣйшимъ корнямъ, тѣмъ не менѣе въ ^{-нѣ}которыя изъ восточныхъ языковъ (напр. въ китайскомъ, японскомъ и отчасти также въ алтайскихъ языкахъ) они не укоренились еще такъ, какъ на западѣ, и замѣняются очень часто другими словами. Прежде всего въ этихъ языкахъ нѣтъ определенной границы межд у мѣстоименіемъ личнымъ третьяго лица и разными указательными мѣстоименіями. "Я" и "ты" выражаются по японски многосложными (*Ватанакуа* - я, аната ты) и, по всей вѣроятности, производными словами. Въ китайскомъ языкѣ, особенно же въ древнемъ литературномъ слогѣ, мы встрѣчаемъ очень много мѣстоименій личныхъ

въ значеніи: я, ты, мой, нашъ и т.д. Такъ какъ въ индо-китайскихъ языкахъ совпадаютъ слова "ты" и "женщина", а китайскій іероглифъ для мѣстоименія перваго лица изображаетъ вооруженнаго человѣка, вѣроятно въ значеніи воина или отца семьи, то здѣсь мы какъ разъ можемъ искать первоначальное значеніе личныхъ мѣстоименій. Подобные примѣры встрѣчаются также въ другихъ языкахъ. Такъ напримѣръ, гренландскій эскимось производилъ слово "ты" отъ "тамъ", слово "я" — отъ здѣсь, а въ одномъ изъ малайскихъ языковъ слово "ѣтва", слуга, перешло въ значеніе "я" и "tuwan", господинъ, въ значеніе "ты".

Мѣстоименія указательныя, стоящія передъ опредѣляемыми именами существительными, съ теченіемъ времени теряютъ свою знаменательность и переходятъ въ опредѣленные члены, какъ видно по исторіи развитія индо-европейскихъ языковъ, а также *и* китайской разговорной рѣчи. Указательное мѣстоименіе ставится также послѣ существительнаго и превращается наконецъ въ окончаніе послѣдняго, какъ мы уже видѣли въ индо-европейскихъ и алтайскихъ языкахъ. Такимъ ^{путемъ} образовались выше упомянутыя сложные формы именъ ^{прилага} указательныхъ въ русскомъ, нѣмецкомъ и балтійскихъ языкахъ. Среднее мѣсто между опредѣленными членами и опредѣлительными суффиксами занимаетъ указательное мѣстоименіе (ѣ)тъ (т.е. тотъ), та, то въ нѣкоторыхъ русскихъ говорахъ; напр.: пастухъ — от теть — та, часы — ти и т.д. Китайское слово "джѣ" (этотъ) ставится въ разговорной рѣчи передъ существительнымъ въ значеніи мѣстоименія указательнаго и опредѣленнаго члена, а въ литературномъ языкѣ только послѣ опредѣляемыхъ словъ и въ значеніи суффикса.

Въ финно-угорскихъ языкахъ и въ нѣкоторыхъ тунгусскихъ нарѣ

чіяхъ черезъ посредство прономинальныхъ суффиксовъ обозначается владѣтель предмета, и такимъ образомъ по окончаніямъ различаются, напр., понятія: моя рука, твоя рука, его рука и т.д. Эти окончанія напоминаютъ намъ ^{man's} отъ личныя мѣстоименія, которыя образуютъ суффиксы спряженія при глаголахъ. Такимъ образомъ мы видимъ, что развитіе флексіи зависитъ въ значительной степени отъ присоединенія различныхъ мѣстоимѣній къ опредѣленнымъ ^{и м} словамъ.

Н а р ѣ ч і е .

Нарѣчіе (*adverbium*— приглаголіе), какъ видно уже по названію, присоединяется къ глаголу въ качествѣ опредѣленія и служитъ выраженіемъ обстоятельства въ предложеніи. Какъ имя прилагательное или родительный падежъ опредѣляетъ существительное, точно такъ-же нарѣчіе выражаетъ признакъ глагола. Средство этихъ понятій мы видимъ лучше всего въ китайскомъ языкѣ, гдѣ одинъ и тотъ-же суффиксъ (*цз* или *джн*) образуетъ и родительный падежъ имени существительнаго, и имя прилагательное, нарѣчіе. Эта особенность китайскаго языка не можетъ считаться простою случайностью, такъ какъ и въ манджурскомъ языкѣ окончаніе " *с* " является признакомъ не только родительнаго падежа, но и нарѣчія. Сходство такихъ опредѣленій зависитъ отчасти также отъ опредѣляемыхъ словъ, такъ какъ въ алтайскихъ языкахъ одни и тѣ же причастія встрѣчаются въ значеніи и отлагательнаго имени существительнаго, и окончательной формы глагола.

Что же касается происхожденія нарѣчій, то они производятся отъ каждой знаменательной части рѣчи, но преимущественно отъ именъ прилагательныхъ. Хотя нарѣчія существовали уже въ индо-европей-

скомъ проязыкѣ, но большинство индо-европейскихъ нарѣчій принадле-
житъ къ болѣе новымъ производнымъ словамъ, между тѣмъ какъ въ китая-
скомъ языкѣ нѣтъ никакихъ коренныхъ нарѣчій. Поэтому можно думать,
что нарѣчія являются, можетъ быть, болѣе новыми словами, чѣмъ другія
знаменательныя части рѣчи.

Мы можемъ объяснить также исторію развитія нѣкоторыхъ изъ
суффиксовъ нарѣчій. Такъ на примѣръ англійскій суффиксъ "ly" (срав.
heartily, сердечно, по нѣм. *herzlich*, сердечный и сердечно) былъ нѣког-
да существительнымъ съ значеніемъ "тѣло, наружность, видъ" (срав.
lot. leik, древне-верхне-нѣм. *leik*, русское ликъ), которое напомина-
етъ намъ китайскую частицу нарѣчій "жан" съ такимъ же первоначаль-
нымъ значеніемъ. Французскій суффиксъ нарѣчій "ment" восходитъ
къ латинскому слову "mens", умъ, и на примѣръ, французское "vraiment"
дѣйствительно, получилось изъ "vera mente".

Предлогъ.

Нарѣчія въ дальнѣйшемъ развитіи могутъ понижаться въ своей
знаменательности, постепенно переходя въ частицы (предлоги и союзы)
и поэтому нѣтъ никакой опредѣленной границы между нарѣчіемъ, пред-
логомъ и союзомъ. Предлогами называются адвербіальныя слова или
нарѣчія, которыя первоначально опредѣляли обыкновенно простран-
ство дѣйствія, но на слѣдующей степенѣ развитія относятся уже
не къ глаголу, а къ имени существительному или мѣстоименію. Глав-
ной задачей предлоговъ является выраженіе пространственнаго и
временнаго отношенія предметовъ. Нѣкоторые предлоги присоединяютъ
ся къ опредѣленнымъ словамъ и такимъ образомъ происходятъ префик-

Глаголовъ и нѣкоторые суффиксы-
именъ существительныхъ.

Въ китайскомъ языкѣ предлоговъ въ нашемъ значеніи совсѣмъ не существуетъ, и функціи ихъ исполняютъ преимущественно глаголы и имена существительныя. Глаголы - предлоги ставятся всегда передъ опредѣленнымъ словомъ, которое является какъ будто дополненіемъ къ глаголу, а предлоги - существительныя - послѣ опредѣленнаго слова, являющагося какъ бы въ значеніи родительнаго падежа.

Чѣмъ меньше въ языкѣ разныхъ падежей, тѣмъ больше онъ нуждается въ предлогахъ, и такимъ образомъ утрата формъ склоненія является главнымъ источникомъ развитія предлоговъ. Китайскій языкъ, не имѣющій ни окончаній склоненія, ни настоящихъ предлоговъ, не можетъ-исключеніемъ изъ этого правила, такъ какъ китайскій языкъ отличается какъ разъ большимъ богатствомъ словъ, соотвѣтствующихъ нашимъ предлогамъ.

С о ю з ь .

Союзами называются такія слова, которыя служатъ для соединенія словъ въ простомъ предложеніи и цѣлыхъ предложеній въ періодѣ. Въ китайскомъ языкѣ нѣтъ никакихъ коренныхъ союзовъ, такъ какъ всѣ они имѣютъ еще другія первоначальныя значенія. Въ общемъ китайскіе союзы не рѣзнятся отъ нарѣчій и предлоговъ. Нѣкоторые союзы въ индо-европейскихъ языкахъ имѣютъ мѣстоименное происхожденіе, но это не значитъ, что вообще въ союзахъ нужно искать корни мѣстоименія.

М е ж д о м е т і е .

Междометія представляютъ собою слова, принадлежащія рѣчи не

какъ выраженію ^иидей, но какъ выраженію ^иэмоціональныхъ состояній или чувствованій. Изъ междуметій могутъ образоваться и основы полныхъ словъ, имѣющихъ формы; напр. въ русскомъ языкѣ "ола^трь" отъ "о^тхъ" и въ нѣмецкомъ языкѣ "ас^тшекъ" отъ "ас^т". Съ другой стороны, и полныя слова могутъ употребляться въ языкѣ какъ междометія; напр.: Господи, Боже мой, батюшки.

Познакомившись вкратцѣ съ исторіей морфологическаго развитія индо-европейскихъ языковъ, мы видѣли, что въ индо-европейскомъ проязыкѣ было гораздо больше формъ флексіи, чѣмъ въ современныхъ языкахъ этой семьи, между тѣмъ какъ англійскій языкъ приближается уже къ такъ называемымъ корневымъ языкамъ. Противополжный процессъ развитія мы встрѣчаемъ въ китайскомъ языкѣ, гдѣ почти только въ живой разговорной рѣчи образовались разные аффиксы вмѣсто служебныхъ словъ древняго литературнаго слога. Но сложная флексія индо-европейскаго ^{пра}языка, по мнѣнію языковѣдовъ, является результатомъ развитія простыхъ словъ безъ аффиксовъ, въ то время какъ китайскій языкъ, судя по другимъ индо-китайскимъ языкамъ, утратилъ многочисленныя префиксы и окончанія. Въ виду всего этого также вѣроятны индо-европейскій прапроязыкъ безъ флексіи не можетъ считаться началомъ человѣческой рѣчи вообще, такъ какъ и онъ въ свою очередь могъ образоваться отъ болѣе сложнаго флективнаго языка. Такимъ образомъ слова человѣческаго языка въ одинъ періодъ развитія принимаютъ всевозможныя аф^ксы, а въ другой періодъ утрачиваютъ ихъ опять. Если палеонтологи правы, что люди живутъ на свѣтѣ уже сотни тысячъ лѣтъ, то и человѣческій языкъ существуетъ не много меньше этого времени, вслѣдствіе чего и упомянутыя морфологическія

перемѣнъ могло быть уже очень много.

15 Л Е К Ц І Я.

Слова измѣняются не только въ звуковой сторонѣ, но и въ значеніяхъ, при чемъ измѣненія значеній происходятъ независимо отъ измѣненій звуковъ слова. Наши представленія и понятія, обозначаемыя словами, подъ вліяніемъ новыхъ ощущеній постоянно развиваются и видоизмѣняются. Главная причина измѣненія значенія словъ заключается въ дѣйствиі психической ассоціаціи ^{ассоциативности} ~~ассоциативности~~ и сходности. По ассоціаціи смежности названіе какого нибудь предмета можетъ переноситься на сопутствующую обстановку, и такимъ образомъ слово пріобрѣтаетъ новое значеніе. Такъ на примѣръ, слово "столъ" означаетъ

СОБСТВЕННО мебель, но это же название распространилось и на пищево
 довольствие и на общество, сидящее за столом и на казенную единицу
 въ подраздѣленіи канцелярці. Другіе примѣры: питье, ѣда, языкъ, судъ
 сердце, животъ. Съ другой стороны измѣненіе значенія объясняется та-
 же ассоціаціей по сходству. Такъ напримѣръ: слово "ручка" первонача-
 льно означало только уменьшительную форму руки, но теперь называется
 также и рукоятка и вставка для пера. Другіе примѣры: листъ, охота,
 полотно, платформа, камень, река, ракъ, ясный умъ, горячая любовь.
 Семанзіологическое развитіе нѣкоторыхъ словъ мы можемъ найти только
 исторіи; напримѣръ: писать, перо, читать, скоть, ножъ. Устарѣвшія сло-
 ва сохраняются не рѣдко въ высокомъ слогѣ съ переноснымъ или метафо-
 рическимъ значеніемъ; напримѣръ: главы / головы / чело / лобъ /, око
 / глазъ / уста / ротъ / персть / палецъ /, нѣкоторые обыкновенныя слова
 получаютъ съ теченіемъ времени грубое или вульгарное значеніе, напр
 мѣръ: жрать / собственно шить /, сербать / хлѣбать /, лит. *šiti* / жрать
 собственно ѣсть / англ. *thou* / ты / поганый / лат. *prodamus* шуллеръ,
 / нѣмецк. *Schüssel* / прохвость / нѣмецк. *Murks*. Наоборотъ вульгарн
 слова утрачиваютъ нерѣдко грубое значеніе и приобрѣтаютъ полныя пра-
 ва гражданства, напримѣръ: ротъ / первоначально "рыло" отъ "рыть" /,
 нѣм. *Scheit* / первоначально "падалъ" /, нѣм. *Preda* грязь / первонач
 ально экскрементъ /, Собственные имена въ извѣстныхъ случаяхъ получ
 ятъ значеніе нарицательныхъ. Евмецкое имя "Karl" означаетъ въ пра-
 германскомъ языкѣ просто мужа / сравн. нѣм. *Karl* / перешло въ русский
 значеніи "король". Отъ собственного имени римскаго императора "Caes-
 ar" произошло нѣмецк. слово "Kaiser" и русское "царь". Сравн.
 еще : бойкотъ, *Boycott*, шовинизмъ, обломовщина. Простыя или конк
 ретныя значенія словъ являются болѣе примитивными, чѣмъ разныя обобщен
 наприи хлѣбъ / потому пища вообще / франц. "L'argent" деньги / перво
 чально серебро, лат. *Argentum* / нѣмецк. *Eis* / первоначально мѣд
argentum

потомъ "металъ" вообще / многихъ изъ такихъ абстрактныхъ словъ въ в
культурныхъ языкахъ вовсе не шьется, какъ напр: родители / "отецъ
мать" /, супруги / по сравнению мужъ и жена /, металлъ / желъзо, мѣдь
серебро /, минералъ / металлъ, камень, соль / къ подобнымъ примѣрамъ
надлежатъ нѣрѣдко также такіа простыя слова, какъ: человекъ, живот
нѣсь, языкъ, пѣсня. Нѣкоторые слова шьютъ очень сложную исторію и
неподдаются простой семантической классификаціи. Слово "министръ"
происходитъ отъ лат. *ministerium* которое обозначало первоначально
"меньшій". "Подноготная" въ значеніи всей правды напоминаетъ намъ
ку прежнихъ временъ, когда подъ ногти вбивались гвозди. Просакъ о
чаетъ канатный станокъ, а поговорка "попасть въ просакъ" указываетъ
на то, что поправшему платъемъ въ скручиваемый канатъ трудно освобо
диться. Слово "наканунъ" первоначально означало "вечеръ" передъ пра
нникомъ, когда поютъ канонъ

16 ЛЕКЦІЯ

Человѣческая рѣчь состоитъ изъ предложеній ^{не} и ~~изъ~~ отдельныхъ словъ
и между сложными словами и синтаксическими словосочетаніями нѣтъ ни
какой опредѣленной границы. Мы шьемъ вмѣстѣ напримѣръ слова: "итакъ
, "поэтому", "всетаки", но китайцы изображаютъ тремя іероглифами даже
такое слово, какъ "дво-дзе-ди" стола. Вопросъ о томъ, какія слова
есть вмѣстѣ, относится скорее къ орфографіи, чѣмъ грамматикѣ. Поэт
между морфологіей и синтаксисомъ нѣтъ точной разницы и нѣкоторые а
ковѣды уже вовсе неразличаютъ этихъ двухъ отдѣловъ грамматики. Если
тѣмъ не менѣе грамматики дѣл-тся на три части: фонетику, морфологию
синтаксисъ, то исключительно по практическимъ соображеніямъ. Филосо
кія дефиниціи предложенія страдаютъ спѣтъ такими же неточностями, какъ
и опредѣленія человѣческаго языка вообще. Старое опредѣленіе элемент
ной грамматики, будто предложеніе есть мысль выраженная словами, оч
тается неточнымъ въ томъ отношеніи, что предложеніе является ~~не точ~~
~~нымъ въ томъ отношеніи, что предложеніе явля-тся фактомъ рѣчи, а не~~

мысли. Слабою стороною разныхъ другихъ опредѣленій являются обыкновенно такія предложенія, которыя состоятъ только изъ одного слова. Старая философская грамматика искала въ языкѣ строгую логику, но современные языковѣды объясняютъ разныя синтаксическія явленія скорѣе на основаніи психологіи. Если въ хорошемъ слогѣ европейскихъ языковъ грамматическія правила хорошо согласованны съ логикой, то это въ значительной мѣрѣ вліяніе искусственной ученой грамматики, но въ чистомъ разговорномъ языкѣ мы встрѣчаемъ больше свободы и меньше научно-логической послѣдовательности, чѣмъ въ ученомъ слогѣ. Научная логика признаетъ только два члена въ сужденіи: подлежащее или субъектъ и сказуемое или предикатъ, которые не всегда совпадаютъ съ одноименными грамматическими и психологическими членами предложенія. Логика различаетъ въ предложеніи "маленькая рѣчка быстро течетъ" только два члена: подлежащее—"маленькая рѣчка" и сказуемое—"быстро течетъ", но по ученію грамматики мы имѣемъ здѣсь четыре члена предложенія.

Слѣдуя нѣмецкимъ ученымъ Габеленцу и Паулю, многіе языковѣды полагаютъ, что предложеніе состоитъ изъ двухъ основныхъ частей: психологическаго подлежащаго и психологическаго сказуемаго. Психологическимъ подлежащимъ называютъ ту часть предложенія, которая подлежитъ обсужденію и уже извѣстна говорящимъ, но психологическое сказуемое, наоборотъ, есть то, что сообщается о подлежащемъ. Такимъ образомъ каждый членъ грамматическаго предложенія можетъ быть психологическимъ сказуемымъ, если на немъ сосредоточено главное вниманіе, или на немъ стоитъ, какъ раньше говорили, "логическое удареніе", смотря по обстоятельствамъ; психологическимъ сказуемымъ можетъ быть не только "идеть /отецъ и д е т ь./", но и "отецъ" /тотъ, кто идетъ-отецъ/.

Не соглашаясь съ подобнымъ объясненіемъ предложенія, профессоръ Дельбрюкъ считаетъ психологическое сказуемое просто "господствую-

щее представлѣніе" |*dominierende Vorstellung*|. В. А. Богородицкій идетъ еще дальше, утверждая, что "ученые, вводящіе новыя понятія о психологическихъ подлежащихъ и сказуемыхъ, лишь производятъ неудачную замѣну прежняго ученія о логическомъ удареніи". Но профессоръ Дельбрюкъ и его единомышленники ссылаются исключительно на исторію индо-европейскихъ языковъ, не обращая достаточнаго вниманія на другіе языки. Только на основаніи индо-европейскихъ языковъ, конечно, очень трудно представить себѣ развитіе человѣческаго языка вообще. Чѣмъ меньше развитъ языкъ и чѣмъ дальше онъ стоитъ отъ вліянія европейской культуры, тѣмъ больше мы видимъ связь между грамматическими и психологическими сказуемыми.

Современные языковѣды уже не соглашались съ объясненіемъ старыхъ грамматикъ философской школы, будто сказуемое должно содержать въ себѣ только окончательную форму глагола, и если сказуемымъ является существительное или прилагательное, то, будто, подразумевается такъ называемая связка |*copula*| или вспомогательный глаголъ. Въ русской поговоркѣ: "Натура дура, судьба злодѣйка" не подразумевается никакой вспомогательный глаголъ. Если и въ праславянскомъ языкѣ существовала связка, то все-таки нѣтъ у насъ причины думать, что вышеупомянутая поговорка относится къ праславянскимъ временамъ. Подобные примѣры встрѣчаются также въ такихъ языкахъ, гдѣ связка считается обязательной. Лат. *Suntum jus summa injuria*, высшее право — высшая несправедливость. Нѣм. |*Bestand Webestand*|, семейное положеніе — горемычное положеніе. *Träume Schäume*, сны — мильные пузыри. Если такія предложенія состоятъ изъ двухъ существительныхъ безъ глагола, то можно эти слова даже переставить безъ ущерба для грамматической правильности, напр: *Injuria suntum jus* высшая несправедливость — высшее право. Сказуемое можетъ стоять даже въ началѣ предложенія, какъ видно по слѣдующему примѣру у Гете: "*Suntum summi di*" ²⁰¹¹наездники себаки. Въ такихъ предложеніяхъ грамматическое сказуемое не различается отъ психологическаго.

Совсѣмъ иначе мы представляемъ себѣ строй предложень съ глагола-
ми, такъ какъ окончательныя формы послѣднихъ значительно разнятся отъ
менъ существительныхъ. Но сродство между разными видами сказуемыхъ
мы видимъ лучше въ такихъ языкахъ, которые еще не образовали оконча-
тельныхъ формъ. Такъ напримѣръ, по-китайски говорятъ "фэй ніао", летяща-
я птица, и "ніао фэй", птица летитъ/летающая/. По-маньчжурски "дзіхе ама",
пришедшій отецъ, и "ама дзіхе", отецъ пришелъ/пришедшій/. Здѣсь нѣтъ
такой большой разницы между существительными и глаголами, и ту и дру-
гую часть рѣчи мы можемъ представить себѣ въ качествѣ сказуемаго. На-
примѣръ; "отецъ-пришедшій"/-пришелъ/ и "пришедшій"/-тотъ, кто пришелъ
отъ/отецъ". Въ такихъ примѣрахъ психологическое и грамматическое ска-
зуемая опять совпадаютъ, между тѣмъ какъ такіе термины, какъ: "господ-
ствующее представленіе", "сосредоточеніе главнаго вниманія" и "логи-
ческое удареніе" не даютъ яснаго представленія о значеніи этихъ чле-
новъ предложень. Не выдерживаетъ критики также теорія Бобровникова,
автора извѣстной монгольской грамматики, будто каждая глагольная фор-
ма является цѣлымъ предложеньемъ въ періодъ. Предложеніе "онъ сидѣ чи-
галъ", по мнѣнію Бобровникова, представляетъ собою періодъ, состоящій
изъ двухъ предложень; "онъ сидитъ" и "онъ читаетъ". Въ самомъ дѣлѣ мы
имѣемъ здѣсь только одно предложеніе съ однимъ подлежащимъ /"онъ"/
и однимъ сказуемымъ /"читаетъ"/. Дѣепричастіе "сидѣ" указываетъ здѣсь
только на обстоятельство, какъ совершается дѣйствіе, и въ нѣмъ нѣтъ
значенія не можетъ быть сказуемымъ, тѣмъ болѣе не цѣлымъ предложеньемъ.
Хотя нѣтъ сомнѣній, что дѣепричастія образовались отъ причастій, ко-
торые только при постепенномъ развитіи начали подчиняться главному
глаголу, но опредѣлившееся дѣепричастіе уже не обладаетъ подобной са-
мостоятельностью.

По мнѣнію Пауля отъ подлежащаго и сказуемаго образовались всѣ ос-
тальные члены предложень, Такъ напримѣръ, опредѣленіе считается огра-
ниченнымъ сказуемымъ. Примѣры: по-анг. "the man is good" и

• *The good man*; по-рус. : "человѣкъ хорошъ" и "хорошій че-
 ловѣкъ"; по-кит. : "хён хао" и "хао жён". Въ первомъ предложеніи на ан-
 глійскомъ языкѣ мы встречаемъ вспомогательный глаголъ или связку,
 въ русскихъ фразахъ разныя окончанія прилагательнаго, а въ китай-
 скомъ языкѣ только другое распредѣленіе словъ. Въ латинскихъ фразахъ
 " *vir sapiens est* " мужъ умный, и " *vir sapiens* " умный
 мужъ, разница заключается только въ вспомогательномъ глаголѣ, котор-
 ый считается болѣе новымъ явленіемъ въ языкѣ. Такимъ образомъ мы
 видимъ, что нѣтъ строгой формальной разницы между сказуемымъ и
 опредѣленнымъ. Эти два члена предложенія стоятъ очень близко
 другъ къ другу и по смыслу, какъ видно по слѣдующимъ примѣрамъ:
 "сильна Божья рука", "страшанъ сонъ, да милостивъ Богъ". Загадки:
 "Желѣзный токъ, свиной перетокъ, гречаной пшадокъ" / блины /

Какъ опредѣленіе производятъ отъ сказуемаго, точно такъ же
 есть близкое средство между подлежащимъ и дополненіемъ. Уленбекъ
 полагаетъ даже, что и въ индо-европейскомъ праязыкѣ первоначально
 не было ни именительнаго, ни винительнаго падежа, но выражались
 только активныя и пассивныя отношенія имени существительнаго къ глаголу. Предположеніе Уленбека подтверждается, во первыхъ, сходствомъ
 окончаній именительнаго и винительнаго падежей, и, во вторыхъ, перехо-
 домъ среднихъ глаголовъ въ значеніе действительныхъ. Такъ, вини-
 тельный падежъ дополненія въ активной конструкціи предложенія
 соотвѣтствуетъ именительному падежу подлежащаго при пассивной фор-
 мѣ глагола между предложеніями: "я строю домъ" и "домъ строится мною".
 Есть разница только по грамматикѣ, но не по смыслу. Въ предложеніи
 вродѣ нѣмецкаго: " *der Bäcker bäckt Brot* " , пекаръ
 печеть хлѣбъ, первоначально могли быть два подлежащихъ, относящихся къ
 одному сказуемому / " *der Bäcker bäckt* " / пекаръ печеть,
 и " *das Brot bäckt* " хлѣбъ печется / Разница между этими по-
 длежащими могла быть только та, что "пекаръ" имѣетъ активное, а "хлѣбъ"

значит
 и основное значение: "идеть дождь" переводится по-китайски: "下雨"
 jǔ yǔ; "идеть дождь" означает "идти дождь" "Сидя" - "идти, испускать!"
 В логической точке зрения "идеть дождь" является подлежащим, но по
 правилам грамматики-дополнением, тем более, что китайцы могут при-
 бавить даже подлежащее, например, "下雨" небо. Китайское предложение
 : "下雨 天" jǔ yǔ tiān переводит дословно: "небо испуска-
 етъ дождь". В самом деле и здесь предложение с пассивным
 подлежащим "идеть дождь", и с прибавлением активного подлежащего
 "небо". Так же ни не можем провести никакой строгой границы
 между подлежащим или винительным падежом с одной стороны, и до-
 полнением или винительным падежом с другой стороны.

Наконец обстоятельства, как более или менее члены предложения, обра-
 зовались от всех остальных членов, и в китайском языке больше
 обстоятельство является с грамматической точки зрения подле-
 жащими, сказуемыми, определёнными и дополнениями. Особано определёние
 подходит ближе к обстоятельствам, чем другие члены предложения,
 и некоторые языки, как мы уже видели, образуют при помощи одного и
 того-же суффикса имена прилагательных, наречий и даже родительный
 падеж имени существительного.

Русские наречия, происходящие от качественных прилагательных,
 напоминают нам дополнения, представляя, как будто, винительный па-
 деж среднего рода; например: "он шепчет хорошо" / т.е. что-нибудь хо-
 рошее / . Таким же образом объясняется происхождение подобных наречий
 в немецком языке; напр.: "etwas gut" / т.е. etwas gutes
 - что-нибудь хорошее / .

В предложении: "лошадь бежит быстро" слово: "быстро" является по
 логическим сказуемым, так же как тот факт, что лошадь бежит, разу-
 мается сам собой. Китайский перевод этого предложения: "馬跑
 得快" означает буквально: "быть / лошади / - быстрый
 馬跑得快"

100. 9. 2003
100. 9. 2003 / 0-31-11 / 93

1/куай/. Въ манджурскомъ и монголскомъ переводахъ этого пред-
ложения слово "лошадь" стоитъ въ родительномъ падежѣ, и опредѣля-
емое слово "бѣгъ" является безусловно именемъ существительнымъ,
такъ какъ родительный падежъ въ этихъ языкахъ не зависитъ отъ гла-
гола. Такимъ образомъ въ этомъ данномъ обстоятельстве "быстро" мы
имѣемъ во всѣхъ трехъ переводахъ грамматическое сказуемое "быстрѣй",
которое опять не различается отъ лексикологическаго сказуемаго.

Китайское предложение: "та ея-гуо ы-гуо си-фу-та"
означаетъ въ переводѣ: "у него /та/ умерла /ея-гуо/ одна /
ы-гуо/ жена /си-фу-та/, но съ грамматической точки зрѣнія сло-
во "та", онъ, является подлежащимъ и не опредѣляется никакимъ пред-
логомъ. Такимъ образомъ къ сказуемому "ея-гуо", умерь относятся
два подлежащихъ: главное "си-фу-та", жена, и второстепенное "та",
онъ.

Возьмемъ еще такое предположеніе на китайскомъ языкѣ: "лао-
зи-ди ма ма-ла мо, купилъ /ма-ла/ ли /мо/ баринъ /лао-
зи-ди/ лошадь /ма/. Предметомъ обсуждения или психологическимъ по-
длежащимъ является здѣсь "ма" лошадь, къ которому относится ска-
зуемое "ма-ла-мо", купилъ ли. Но, слово "лао-зи" /подлежащее
въ русскомъ переводѣ/ стоитъ въ родительномъ падежѣ /лао-зи-ди/ и
опредѣляетъ подлежащее "ма", лошадь. Речь идетъ о лошади и прежде
всего дается отвѣтъ на вопросъ, какая лошадь. Лошадь интересующая
барина. Итакъ получается буквальный переводъ: "лошадь, /интересу-
ющая/ барина, куплена ли?"

Только по теоріи Гобеленца и Пауля мы можемъ сколько нибудь
объяснить очень своеобразную конструкцію выше упомянутыхъ китайскихъ
предложений, между тѣмъ какъ на основаніи общепринятыхъ грамматиче-
скихъ правилъ они не поддаются разбору. Очень можетъ быть, что мож-
но еще усовершенствовать не только терминологию, но и нѣкоторые
принципы этой новой теоріи, но я не могу присоединиться къ мнѣнію

тѣхъ ученыхъ, которые относятся къ ней отрицательно.

Съ психологической точки зрѣнія предложенія дѣлятся на 1/ восклицательныя, 2/ вопросительныя и 3/ повѣствовательныя. Восклицательныя предложенія считаются самыми примитивными и состоятъ изъ просто восклицательныхъ, повелительныхъ и желательныхъ членовъ. Къ восклицательнымъ предложеніямъ, по времени возникновенія стоятъ ближе вопросительныя предложенія, но главная форма въ культурныхъ языкахъ принадлежитъ повѣствовательнымъ предложеніямъ, которыя появились, вѣроятно, послѣ двухъ первыхъ членовъ.

ФОНЕТИКА

Фонетика изучаетъ звуковую сторону языка, при чемъ не слѣдуетъ забывать, что буквы не должны быть отождествлены со звуками. Буквой какъ известно изображается только извѣстный типъ звуковъ, но разные оттѣнки ихъ остаются обозначены не обозначеными. Такъ напримѣръ: произношеніе звука "а" развито не только по разнымъ языкамъ и нарѣчіямъ, но и по отдѣльнымъ индивидуумамъ. Наконецъ, даже въ одномъ и томъ же языкѣ могутъ существовать вмѣстѣ разные оттѣнки звука "а". Такіе оттѣнки гласнаго звука зависятъ какъ отъ разныхъ удареній и долготы, такъ и отъ мѣста образованія ихъ въ полости рта. Столь же разнообразно произносятся, также, согласныя звуки и мы не можемъ установить определенной границы, гдѣ кончается звонкій веларный звукъ "г" и гдѣ начинается глухой "к", такъ какъ существуетъ многочисленныя промежуточные оттѣнки между ними. Въ одномъ направленіи развитія веларный взрывной звукъ "к" приближается къ соответствующему аспиранту "к'" $|k^h|$ и можетъ перейти наконецъ въ фрикативный звукъ "х", а въ другомъ направленіи онъ можетъ превратиться въ звонкій звукъ "г" $|g|$. Смягченный звукъ "к" по произношенію не различается отъ смягченнаго "к'" $|k^h|$ и при дальнѣйшемъ развитіи переходитъ въ аффрикату "с" $|c|$. Далѣе

"с" > "ш" $|s|$ > "з".

Каждый языкъ съ теченіемъ времени измѣняется, но очень медленно и не замѣтно для говорящихъ, такъ какъ незначительныя нѣансы звуковъ мало разнятся другъ отъ друга. Звуковое измѣненіе языка возникаетъ органически обыкновенно у не большой группы лицъ и отъ нихъ распространяется на языкъ остальныхъ. Здѣсь я укажу только на такія звуковыя измѣненія, которыя встрѣчаются въ разныхъ семьяхъ языковъ и по этому могутъ быть общими для человѣческаго языка вообще.

Одни языки отличаются большимъ богатствомъ разнообразныхъ звуковъ въ то время, какъ въ другихъ языкахъ количество звуковъ гораздо меньше. По исторіи фонетики, мы знаемъ, что отъ одного и того же звука, при разныхъ звукосочетаніяхъ могутъ образоваться разные звуки, но и наоборотъ, разные звуки могутъ слиться въ одинъ звукъ.

Основными гласными считаются "а", "е", "і" "о" "у" /y/, и нѣкоторые языки имѣютъ только эти гласные звуки, помимо нихъ встрѣчаются еще "ä", "ö", "ä", "и", и другіе варианты. Въ нѣкоторыхъ языкахъ нѣтъ даже такихъ основныхъ гласныхъ звуковъ, какъ "о" /въ сумерійскомъ, ассирійскомъ, древнеиранскомъ и латинскомъ языкахъ/ и "е" /въ древне-индійскомъ, древне-иранскомъ и въ нѣкоторыхъ языкахъ дальняго востока/. Такое же разнообразіе встрѣчается относительно согласныхъ звуковъ, такъ какъ въ однихъ языкахъ / напр. въ балтійскихъ и славянскихъ/ нѣтъ аспрантовъ, въ другихъ / въ нѣкоторыхъ финскихъ и малайскихъ нарѣчіяхъ/ звонкихъ звуковъ, а въ третьихъ / въ нѣкоторыхъ языкахъ дикарей/ даже глухихъ согласныхъ. Очень часто отсутствуютъ также звуки "ç" / въ балтійскихъ, древне-славянскомъ и нѣкоторыхъ финно-угорскихъ, алтайскихъ и пале-азиатскихъ языкахъ /, "ж" / въ французскомъ и балтійскомъ языкахъ и "ç" (я) / въ нѣмецкомъ, финскомъ и алтайскихъ языкахъ / . Нѣкоторые индоевропейскіе языки, какъ на примѣръ

славянские, отличаются очень сложными сочетаниями согласных звуков, но в палеонизийских языках по словам Г. фонъ-деръ-Габеленца, преобладают, наоборот, гласные звуки. В одних языках / например в древнеиндийском и санскритском / сохраняются лучше согласные звуки, ~~в одних языках~~ а в других / например в древнегреческом и тюркских языках / гласные звуки. Наконец в разных языках существуют еще разные правила словоударения, слогуударения и сингармонизма звуков. Не смотря на такое большое разнообразие фонетических правил, звуковая замена подтверждена все таки известными основными фонетическими законами.

Гласный звук "а" переходит в "ä", а затѣмъ в "е".
 Примеры: англ. "glad (gläd)" "гладкий" "fate"
 | fät | судьба, немецкое "die Väter" отецъ отъ
 der Vater. отецъ. Подобные примеры встречаются еще в еврейскомъ, арабскомъ и во многихъ другихъ языкахъ. При болѣе открыто произношеніи "а" превращается в "ä", а потомъ ^{переходитъ} превращается в "е".
 Примеры: англ. "war" | wär | война "what"
 | huöt | что; русск. "грамота" | отъ грамата / литовск. "mōte" | латинск. mōte | мать, женщина. Есть такіе же примеры в китайскомъ языкѣ.

Если закрытое произношеніе "а" даетъ звукъ "е", то и открытый звукъ "е" можетъ перейти в "а". Примеры: санскрит. | mādhū
 | медъ, отъ "madhu" лит. "medus" сравн. съ везеръ. Закрытый гласный звукъ "е" называется в "и". Примеры: англ. "here"
 | hēr | здѣсь, гот. "ist" | отъ "est" | есть, древнеслав.
 "dъshfu" дочь, отъ "dъkhte" | лит. /; "шесть", малор. "шість".

Звукъ "i" не только восходитъ къ первоначальному "e", но и въ сво-
 очередь превращается въ "e" при болѣе открытомъ произношеніи. При-
 мѣры: русск. "черный" отъ "цървнй" /сравн. лит. "r̃imtas" /;
 "смердѣть" отъ смърдѣти" /сравн. ^{лит.} "smirdeti" / . Долгій звукъ "i"
 даетъ дифтонги "ei" и "ai", между тѣмъ, какъ краткій звукъ "i"
 можетъ совсѣмъ исчезнуть. Примѣры: англ. "ine" / iain / тон-
 кій; нѣм. "иел" / iai / три; отъ "diu" / русск. "мгла" отъ
 древнерусск. и древне-слав. "мьгла" /срав. лит. "migla" /; "вдо-
 ва, отъ древнеслав. "вдова" /срав. лат. "vidua" / .

Вмѣсто первоначальнаго "o" чаще всего встрѣчается четыре
 слѣдующихъ звука: 1/ а, 2/ ъ, 3/ ѣ, 4/ о . Примѣры: 1/ древ-
 не-инд. "āvis" овца /срав. древне-греч. οἰς отъ οὐς /; годъ.
 "ahlan" босель /срав. древне-греч. ἀλό /; любить, "love" /
 / love / ~~love~~; нѣм. "die Söhne" сыновья, отъ "der Sohn"
 сынъ. 3/ англ. "do" / du / дѣлать, "move" / muv /
 двигать. 4/ лит. "duoti", дать /сравн. лат. "donatum" подарокъ,
 juosta, поясъ /сравн. греч. ζῶστος / .

Гласный звукъ "u" /y/ чаще всего измѣняется въ "ü",
 а затѣмъ въ "и" или въ "i". Примѣры: нѣм. "die Mutter" мать, /
 die Mütter / матери; греч. "mūs" мышь /сравн. лат. mūs /;
 древне-слав. "иго" черезъ "jugo" отъ "jugo". Краткій звукъ "u" (y)
 развивается еще въ звукъ "o" или совсѣмъ исчезаетъ. Примѣры: "сонъ"
 отъ "сынъ", дочь отъ дѣти", "доска" отъ дѣска", два отъ дѣва", бдѣти
 отъ бѣдети". Отъ долгаго звука "u" образуется нерѣдко дифтонгъ "iu"
 Примѣры: англ. "duke" / djuk / герцогъ; кит. liu шесть, отъ "лу".

Какъ долгіе звуки измѣняются въ дифтонги / на примѣръ:

ī → ai, ū → u

/точно также дифтонги переходят

в простые гласные звуки. Так например "ai" и "ei" через "а" превращаются в "е", а через "ie" - в "i". Вавн. греч. "χέιμα", буря, лит. "žienà" и русск. "зима"; Франц "maître" / maître / учитель; англ. "claim" / klēm / требовать; кит. "дзиа" "улица, отъ "zai". Дифтонгъ "au" даетъ простые звуки "а", "о" и "u". Англ. "cause" / kōz / причина; Франц "audace" / odās / смѣлость; русск. "уста" славн. съ русск. "austin".

Среди согласныхъ звуковъ больше всехъ подвергаются фонетическимъ измѣненіямъ веллярные и зубные звуки, а именно, подъ вліяніемъ омьгченія, причиною котораго являются обыкновенно гласные передняго ряда, какъ напримеръ: "i" и "e". Звукъ "k" переходитъ "k'", а послѣдній въ "с" /ц/. Примеры: лат. "Cicero" читалось раньше "kikero" какъ видно по греческой транскрипціи: "Kikéron". Литвск. "kirvis" "топоръ, латыш. "civvis"; манде. "kimimbi", "imimbi" изслѣдовать; кит. "ki, ki, ci" этогъ. Звукъ "c" можетъ измѣняться въ "s", примеры: Франц "cent" / sa / сто, отъ лат. "centum"; манде. "si" "ты, монг. "ci" и "ci" "звукъ "s" въ своей очередь можетъ перейти въ "h", прим. греч. "hex" "шесть, отъ "hexes" /сравн. лат. hex /; бурятск. "hain" "хорошій, отъ монг. "sain".

енія

Звукъ "g" /г/ подъ вліяніемъ омьгчается, измѣняется въ "d", а затѣмъ въ "t" /з/. Примеры: лит. "gėrve" /bėrve / куравль, латыш. "džērve"; манде. "gili", "dili", корень "роговъ у оленя"; кит. "gi, ci, yze" "курица, переходить".
• g > g' > "k" > "t" "Древнеслав. "konast" "чека, гвоздь, лит. "žambas" сторона бревна, древнеслав. "ухъбъ" зуб.

Смягченный звукъ "t", т.-е. "t'" переходитъ въ "с" /ц/ и

развивается дальше такимъ же образомъ, какъ смягченный веларный звукъ "к". Примеры: лат. "*patientia*" | *patienciay* терпѣние, Франц. "*patience*" | *pariās* | ; мандж. "*tu cimē*" выходить отъ джурдзэнскаго "*lutime*" ; Финск. "*silta*" мостъ, заимствовано съ балтійскаго "*littas*".

Если звукъ "k" измѣняется по примѣру "к" отъ измѣненія звука "d" походить на измѣненія "g" | *g* | . Примеры: русск. "дѣти" , польск. "*dziści*" русск. "дѣлать" , польск. "*dzielić*" ; мандж. "*dirigan*" голосъ, тунг. "*dilgan*" ; лат. "*diurnus*" дневной, итальянск. "*giorno*" | *giorno* | , день, Франц. "*jour*" | *жур* | , Кит. "дао", гадать, отъ "дао" | *dao* | .

На фонетическія измѣненія звуковъ вліяетъ еще извѣстныя морфологическія правила. Такъ напримѣръ, на концѣ словъ, но иногда также въ началѣ ихъ, звонкія звуки переходятъ въ соответствующія имъ глухіе звуки. Дифтонги и долгія гласныя въ окончаніяхъ измѣняются въ простые краткіе гласныя звуки, между тѣмъ какъ послѣдніе имѣютъ склонность къ исчезновенію. Примеры: древнеслав. "домъ" | *domā* | русск. "домъ" | *dom* | ; древнерусск. "быти" | сравн. лит. "*būti*" | , русск. "быть" ; Франц. "*an*" | *a* | годъ, черезъ * *anno* отъ лат. *annus* ; латшск. "*naktis*" , ночь, отъ лит. "*naktis*".

Конечный звукъ "m" | *m* | измѣняется очень часто въ |и| "н" примѣры: греч. "*lykon*" волка, вѣсто, "**lykom*" ; мандж. "*don*" брод, вѣсто тунгусск. и монг. "*dom*" Кит. "*lān, lin*" лѣсъ.

Глухой звукъ "s" | *s* | между двумя гласными звуками имѣетъ тенденцію превратиться въ соответствующій звонкій звукъ "z" | *z* | , какъ видно по примѣру романскихъ и некоторыхъ албанскихъ языковъ.

Веларные звуки "g" | *g* | и "h" | *h* | между двумя гласными исчезаютъ, при чемъ оба гласныхъ звука сдвигаются впередъ въ одинъ долгій гласный. Примеры: древневерхненемѣцк. ом. "*māgo*", средневерхненемѣцк. "*māhen*"

современное верхненемецкое "Hahn", макъ ; древневерхненемецкое "stah-
hal", современное верхненемецкое "Stahl", сталь ; морнольское
слово "хан", ханъ происходитъ отъ древней формы "хаган".

Звуки словъ измѣняются не только постепенно, но замѣняются так-
же сразу другими звуками. Фонетическая замѣна звуковъ происходитъ глав-
нымъ образомъ въслѣдствіе вліянія сосѣднихъ звуковъ. Очень часто встрѣ-
ется такъ называемая ассимиляція звуковъ ; напр. Сашенька = Шашенька,
бумага = гумага, фарфоръ, можетъ быть отъ нѣмецкаго "Porphyra".

лат. "quingue" отъ "ringue" лат. "difficilis" вероятно отъ
"difficilis" слав. латышск. "sesi" (срав. латышск. "sesi"). Диссимиляція звуковъ принадле-
житъ еще болѣе важная роль, чѣмъ упомянутой ассимиляціи. Примеры: рус-

картофель отъ нѣмецкаго "Kartoffel", которое черезъ "Tartuffel"
образовалось отъ итальянскаго "tartuffo" трюфель. Русское сло-
во "вельблудъ" отъ древнерусскаго "вельблудъ", срав. древнеслав.

"вельблудъ", которое считается старымъ заимствованіемъ изъ готскаго
"ulbandus", а последнее изъ лат. "elephantus". "Пили-
гримъ" отъ архаическаго нѣмецкаго слова "Pilgrim", заимствован-

наго изъ лат. "peregrinus", "peregrinus", "минога" отъ поль-
скаго "minog", а последнее отъ нѣмецкаго "Kumpage". Цырен-
никъ отъ польскаго "cyrenik", а последнее отъ лат. "chirurgus"

греч. "chirurgos" (срав. еще "накрутъ" /срав. польское lekruit)
отъ "рекрутъ"; "перепель" отъ "пелепель", нѣмецкое "Lekruit" (срав.
сравъ русск. "серебро" въ верхне-русскихъ "srebro")

Кромѣ ассимиляціи и диссимиляціи къ фонетическимъ замѣнамъ зву-
ковъ относятся еще разныя перестановки послѣднихъ. Примеры: облорус-
ское "талерка" вмѣсто русскаго "тарелка"; "футляръ" отъ нѣмецкаго

"Futteral"; "ладонь" отъ "далонь" /срав. польск. "dłoni"
лит. "delna"; "твердый" отъ "трезвый"; нѣмецкія слова "Erl"
и "Eller" ольха, древне-верхненемецкія слова "erila" и "erla"

итальянское "coscoglino" от лат. "coscoglino".

Согласный звук въ концѣ слова очень часто исчезаетъ. При-
 мѣры: "горло" отъ "гордио"; "изба" отъ "истьба", "оса" отъ "bonca"
 /срав. лит. "nausda"/; "осина" отъ "опсина" /срав. датш. "opse";
 древнеслав. "дно", дно, отъ "дѣдно" /срав. латышск. "dubens"
 итальянск. "sette", семь, отъ лат. "septem"; ит. "otto", вс-
 семь, отъ лат. "octo"; ит. "sonno", сонъ, отъ латинск. "somnia"
 /срав. греч. "hypnos", лит. "sapnas", древнеслав. "сны" отъ
 *снѣкъ. По аналогичной причинѣ исчезли въ китайскомъ яз-
 къ конечные звуки /k, t, x/ и /p, t/.

Такой утратѣ подвергнутся мало слышимые согласные звуки въ
 сложныхъ сочетаніяхъ послѣднихъ. Примѣры: "Маковъ" отъ древнерус-
 ского "Пльсковъ" /старое произношеніе сохранилось въ латышскомъ
 "Pļskova"/. Слово "Брянскъ" произошло отъ "Дѣбрянскъ",
 которое производятъ отъ "дѣбрь", дѣбрь. "Чань", какъ полагаютъ обр-
 зовался отъ слова "дѣдань", а послѣднее отъ "дѣска", доска.

На такомъ же основаніи вставляется иногда новый звукъ для
 болѣе удобнаго произношенія. Примѣры: простонародное "отрамъ" изъ
 древнеславянского "срамъ". Точно такъ же въ словѣ "отрунъ" звукъ
 "т" не относится къ корню, какъ видно по литовскому слову "šiuve".
 Такимъ образомъ вставнымъ звукомъ является "d" въ греческомъ сл-
 вѣ "doulos", мука, отъ именительнаго падежа "doulos".

Кромѣ вышеупомянутыхъ фонетическихъ замѣненій необходимо
 признать еще акустическую замѣну звуковъ въ слухѣ, кото-
 рая имѣетъ мѣсто особенно при замѣствованіи иностранныхъ словъ.
 Примѣры: "Николай — Миколай, Евдокія — Абдоція, ангель — андела,
 гитара — дитара, Фома — Хома, Филиппъ — Хвилиппъ, кворогъ —
 рав. съ нѣмецк. Kavalier, Филлеръ.

Въ связи съ акустической замѣной звуковъ стоитъ также

такъ называемая народная этимологія или морфологизація, которая ус-
 нена присоединеніемъ къ акустическому элементу морфологическаго. При
 мѣры бульваръ — гульваръ, / отъ слова "гулять" / радилицансь — лева
 ка, / отъ слова лежать /, Калачъ / венгерская фамилія / — Колачевъ / с
 слова "калачъ" /.

Конецъ

